

Стаценко Сергей Александрович

протоиерей, проректор по учебной части, Ташкентская духовная семинария;
председатель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии

Адрес: Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Авлиеота, 91
E-mail: psstatz@gmail.com

Об известных, малоизвестных и забытых фактах взаимовлияния исламской и христианской цивилизаций

DOI: 10.24412/2587-9316-2022-10145

На текущий момент, со все более возрастающим значением религиозного фактора в геополитических процессах, недостаточно исследованным и актуализированным является вопрос о взаимовлиянии самых крупных в глобальном масштабе конфессий, христианства и ислама. Корни этих процессов берут свое начало в авраамическом генезисе этих конфессиональных образований, дающим мощную родственную связь друг с другом. Исследование темы взаимного влияния и заимствований друг у друга направлено на знакомство с фактами и выводами работы самой широкой аудитории, и в первую очередь христиан и мусульман. Для думающих людей, это должно способствовать более глубокому пониманию единства людей, исповедующих эти религиозные взгляды. В плане взаимовлияния христианство и ислам пересекаются во множестве аспектов. Взаимовлияние происходило в области богословских взглядов, организационного устройства, внешних культовых форм, науки, культуры, быта. В настоящей работе предпринята попытка охватить небольшой, но самый яркий набор фактов взаимовлияния двух мировых религий, что может достаточно наглядно обозначить актуальность самой темы. Данная работа никак не может претендовать на полноту освещения, вследствие ограниченности объема, а также из-за многоаспектности и обширности проблемы. Настоящая статья выводит в более масштабный информационный оборот уже известные, но для небольшого круга специалистов, факты. Научной новизной этого исследования можно назвать некоторые предположения автора, которые могут оказаться небесспорными и, возможно, имеющие иное освещение в научных публикациях.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, ислам, христианство, Узбекистан, цивилизации, межрелигиозный диалог.

...

Для цитирования: Стаценко С.А. Об известных, малоизвестных и забытых фактах взаимовлияния исламской и христианской цивилизаций // Христианство на Ближнем Востоке. 2022. Т. 6. № 2. С. 148–204.

Sergey A. Statsenko

Archpriest, Vice-Rector for Academic Affairs, Tashkent Theological Seminary;
Chairman of the educational department of the Tashkent and Uzbekistan diocese

Address: Republic of Uzbekistan, Tashkent, Avlieot st., 91
E-mail: psstatz@gmail.com

About known, little-known and forgotten facts mutual influence of Islamic and Christian civilizations

DOI: 10.24412/2587-9316-2022-10145

At the moment, with the ever-increasing importance of the religious factor in geopolitical processes, the question of the mutual influence of the largest confessions on a global scale, Christianity and Islam, is insufficiently studied and updated. The roots of these processes originate in the Abrahamic genesis of these confessional formations, giving a powerful family connection with each other. The study of the theme of mutual influence and borrowing from each other is aimed at getting acquainted with the facts and conclusions of the work of the widest audience, and primarily Christians and Muslims. For thinking people, this should contribute to a deeper understanding of the unity of people who profess these religious views. In terms of mutual influence, Christianity and Islam intersect in many aspects. Mutual influence took place in the field of theological views, organizational structure, external cult forms, science, culture, and everyday life. In this paper, an attempt was made to cover a small, but the most striking set of facts of the mutual influence of the two world religions, which can quite clearly indicate the relevance of the topic itself. This work can in no way claim to be complete coverage, due to the limited volume, and also because of the multidimensionality and vastness of the problem. This article brings to a larger information circulation already known, but for a small circle of specialists, facts. The scientific novelty of this study can be called some of the author's assumptions, which may turn out to be indisputable and, possibly, having a different coverage in scientific publications.

Keywords: Russian Orthodox Church, Islam, Christianity, Uzbekistan, civilizations, interreligious dialogue.

...

For citation: Statsenko A.S. About known, little-known and forgotten facts mutual influence of Islamic and Christian civilizations. *Christianity in the Middle East*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 148–204.

Вместо предисловия

Несколько лет назад, автору данного материала пришлось оказаться в одной очень любопытной ситуации. Рядом со Свято-Успенским кафедральным собором г. Ташкента автор был остановлен человеком, которого можно было бы назвать «мужчиной в возрасте», с импозантной или даже артистической внешностью. Указывая на кресты, расположенные на куполе собора, он обратился с упреком, почему под крестами расположены полумесяцы. «Это значит, что вы стремитесь показать превосходство и победу христианства над исламом», — сказал он. Отвечая на заданный вопрос, автор указал на то, что даже полумесяцев у нас нет, а есть косая переключина, линии которой волнисто изогнуты. На это последовал ответ, что полумесяц таким образом был замаскирован от непосвященных, но смысл, пусть и скрытый, остается тот же. Тогда автору пришлось сообщить, что полумесяцев все-таки нет, а сам символ креста с полумесяцем имеет еще домусульманское происхождение. С этого момента оппонент автора, мягко говоря, прекратил адекватно воспринимать разговор, буквально замахал руками, а затем перешел в истеричное отрицание всех доводов, которые автор попытался приводить в последующем разговоре. Дальнейший разговор оказался бессмысленным. Напоследок автор пожелал своему собеседнику все-таки лучше изучить историю собственной религии и немного приобщиться к мировой истории.

В порядке отступления от темы, следует заметить, что проблема религиозной «полуобразованности», которая самым наглядным образом была отражена в приведенном примере, в настоящее время приобрела особое значение. Поверхностные знания «недообразованцев», демагогически выбрасываемые в публику, вкупе с ораторским талантом в наше время могут служить причиной народных волнений, нарастанию межрелигиозного напряжения и последующим социальным взрывом. И это касается не только ислама, но в неменьшей степени актуально для христианства¹. По этой причине, как никогда важно в настоящее время исследовать глубинные основы генезиса и развития древних традиционных для нашего общества религиозных традиций.

Возвращаясь к теме, нужно отметить, что описанная встреча послужила для автора поводом к размышлению о собственно научной проблеме. Зная, что полумесяц на храмовых куполах являлся некогда символом

¹ В качестве наглядного примера можно привести католическо-протестантский конфликт в Ирландии, а также многочисленные деструктивные секты, прикрывающиеся христианством, многие из которых буквально делают из своих адептов армии готовых на все «зомби».

византийского происхождения, то есть имел отношение к историческому христианству, затем перешедшему в ислам, автор задумал настоящую работу, где планирует поднять бесконечно обширную, но недостаточно исследованную и пока не систематизированную тему о взаимовлиянии крупнейших мировых религий с общей корневой системой — христианства и ислама друг на друга.

Данная работа никак не может претендовать на полноту освещения, вследствие ограниченности объема, а также из-за многоаспектности и обширности проблемы. По этой причине исследование будет выглядеть в виде, чаще, повторного ввода в оборот ставших доступных для автора фактов. Научной новизной этого исследования можно назвать некоторые предположения автора, которые могут оказаться небесспорными и, возможно, имеющие иное освещение в научных публикациях².

В настоящей работе автор стремится избежать любой формы предпочтений во взглядах в освещении этой непростой темы. Во избежание обвинений в подлогах и неправильной трактовке приведенных в источниках фактов и выводов, автор применяет в работе обширный цитатный материал, что вынужденно удлинит ее содержание. В настоящем исследовании использованы наиболее значимые факты цивилизационного взаимовлияния, которые оказали значительное историческое влияние в истории религий. Работа носит в основном характер исторический ретроспективы, с небольшими обращениями к современности.

Для систематического освещения темы, в своих суждениях автор основывается на ряде практически бесспорных научных выводов, которые можно назвать своего рода постулатами в вопросах мировой истории религий.

Первое утверждение основано на том факте, что христианство возникло на шесть столетий раньше ислама. К моменту возникновения ислама христианство уже оформилось в организационном виде, имело развитую богослужебную жизнь и определяло политические формы существования крупнейших государств того времени.

Вторым, скорее социологическим постулатом, является утверждение о том, что любая новая общественная формация, в том числе религиозная, возникая на старых формах, органично вбирает в себя многие элементы от старых или старших формаций.

Третье утверждение основано на законе органического развития цивилизаций, в том числе и религиозных. Каждая цивилизация, исходя из

---

2 В таких случаях автор готов к полемике или же после аргументированного опровержения его выводов, готов публично изменить свое мнение и, если нужно, принести извинения.

этого закона, рождается, проходит через стадию бурного роста, обретает стабильные формы, продуктивно изменяя пространство своего бытия, затем переходит в период застоя и, наконец, упадка. Кроме смерти и исторического исчезновения, как это закономерно для живых организмов, цивилизация, в отличие от них, может возрождаться в новых формах или застывать в реликтовом состоянии [Гумилев, 1970].

Второй «постулат», приведенный выше относится в первую очередь к исламу, воспринявшему во многих аспектах предшествующее христианское наследие и творчески его переработавший.

«Есть нечто невероятное — и потому захватывающее — в том, как древняя культура Ближнего Востока трансформировалась в мусульманскую культуру. В 632 г., когда Мухаммад умер, а великая экспансия еще не началась, арабы были сравнительно примитивным народом с малыми материальными возможностями и с литературой, которая сводилась к немногим поэтическим и ораторским традициям, вкуче со священной книгой — Кораном, которой мусульмане поклоняются как «слову божиему», изъявленному им через Мухаммада. Когда через 80 лет арабы вторглись в Испанию, их культурный уровень не мог еще особо вырасти, уровень же берберов, которых так много было в мусульманской армии, стоял, вероятно, еще ниже. Однако в ходе завоевания Ирака, Сирии и Египта арабы добавили к своим владениям несколько крупных культурных центров Ближнего Востока. Многие из представителей ранних цивилизаций приняли мусульманство, началось интеллектуальное брожение, которому предстояло продлиться века. Человечество в этой части мира обладало тысячелетним опытом городской культуры, восходящей к Шумеру, Аккаду, Древнему Египту; и все культурные ценности, пронесенные через эти тысячелетия, стали теперь выражаться по-арабски» [Монтгомери, 2008. С. 23–24].

Но при этом автором учитывается своего рода историческая цикличность [Плотинский, 1992], вызванная взлетами и упадками культур, порожденных христианством и исламом. По причине того, что эти процессы на протяжении обозримого исторического периода проходили по закону «качелей», когда взлет одной культуры сопровождался упадком другой, «низшая» культура становилась акцептором «высшей», от которой в виде донорства шли культурные особенности, знания и технологии. Без значительных отклонений этот закон действовал и действует всегда.

Причины же взлетов и падений могут быть самыми разными, одной из которых по мнению В.В. Бартольда является обладание торговыми путями:

«каково бы ни было превосходство европейского индоевропейского расового типа над другими, без общения с другими народами индоевропейцы, как литовцы до XIII в., или кафиры Гиндукуша до конца XIX в., оставались дикарями. Каковы бы ни были преимущества христианства перед исламом, культура мусульманского мира была выше культуры христианского, пока в руках мусульман оставались главные пути мировой торговли» [Бартольд, 1966. С. 146].

«...По мере утраты господства над торговыми путями в мусульманском мире, как прежде в Византии, усиливалось могущество традиций и создавались менее благоприятные условия для прогресса» [там же. С. 229].

В настоящем исследовании под христианством и исламом понимается вся полнота этих религиозных течений. Автор намерено не проводит отдельных исследований по главным ответвлениям христианства (православие, католицизм, протестантизм) и ислама (суннизм и шиизм), а также по их многочисленным сектам и нетрадиционным движениям, понимая христианство и ислам, каждое, как целое явление. По этой причине взаимовлияние христианства и ислама рассматриваются в конгломератах этих конфессий. В отдельных случаях, автором приводятся факты, которые касаются конфессиональных разновидностей и географических регионов. Помимо сугубо религиозной составляющей, автор рассматривает взаимовлияние двух мировых религий и в общекультурном, цивилизационном плане, поскольку любое абстрактное или материальное произведение, даже не имеющее отношение к религии, но возникшее в лоне религиозной культуры, в той или иной степени обязано ей своим возникновением.

«Централизаторский» подход оправдан в первую очередь с исторической точки зрения, поскольку ислам изначально существовал в виде единого государства, где внедрение новых знаний и технологий проводилось централизованно. И даже после распада единого халифата, на протяжении очень долгого времени исламская умма ощущала свое единство, основанное на постулатах веры и единых местах паломничества и святых. Цементирующим это единство в истории можно назвать военные

действия полководцев-мусульман, время от времени политически объединявших исламский мир (Тимур, турецкие завоевания).

Христианскую цивилизацию без больших натяжек можно также «централизовать» и говорить об определенном единстве с точки зрения цивилизационного влияния на весь христианский мир различных центров прогресса. Начиная от Византии, этот центр исторически сместился на запад к Риму, и к настоящему времени остановился в Центральной Европе и в Северной Америке, которые служат «гносеологическими» источниками и определяют лицо современной культуры на общемировом уровне.

В работе используется сравнительное небольшое число источников, и в первую очередь, работы выдающегося ученого-востоковеда В.В. Бартольда, посвятившего исследованию исламской культуры всю свою жизнь. Помимо огромного научного наследия, свидетельства В.В. Бартольда ценны не только высочайшей степенью компетентности, но также отсутствием конфессиональной предвзятости, поскольку этот ученый придерживался довольно индифферентного отношения к религии.

Системной работой по влиянию ислама на христианскую цивилизацию, но в ограниченном временном интервале, является работа Уотта Монтгомери «Влияние ислама на средневековую Европу». Из этого же источника можно заимствовать мысль, показывающую актуальность настоящего исследования:

«изучение влияния ислама на Европу представляется особенно актуальным в настоящее время, когда христиане и мусульмане, европейцы и арабы становятся все более вовлеченными в «единый мир»... Мы, европейцы все еще не осознаем, сколь многим мы обязаны исламу в плане культуры. Иногда мы приуменьшаем объем и важность мусульманского влияния на наши традиции, а порой вовсе упускаем его из виду» [Монтгомери, 2008. С. 9].

О главных религиозных символах христианства и ислама

Возвращаясь к теме «полумесяца под крестом», следует сказать отдельно о каждом из символов.

Для любого исследователя не подлежит сомнению, что крест, во всех его формах является доминирующим символом христианства. Как символ, крест имеет свой прототип, являющийся орудием казни Христа. И уже в символической форме крест проходил период своего развития и модернизацию форм. Это же касается и пресловутого «полумесяца».

Христианская история повествует, что до принятия креста в качестве главного символа, христианство, основываясь на евангельских мотивах, использовало множество других символов, которые в эпоху гонений служили даже тайными опознавательными знаками для последователей этого учения. Среди христианских символов первых веков были и рыба, и петух и птица феникс, а также корабль и якорь. На этих символах нужно остановить свое внимание, поскольку они имеют прямое отношение к нашей теме. Если изображение корабля или лодки перевести в предельно символическую форму, с освобождением от всех дополнительных деталей, то оно будет выглядеть в форме лежащего полумесяца. Церковь в христианском понимании является «кораблем спасения в бушующем житейском море». Поэтому не удивительно, что символ этого корабля помещен с изображением креста, который в уже совмещенном виде служит мачтой этого корабля. Этот комбинированный символ органично прижился в христианстве еще и в силу того, что имеет сходство с якорем. В Священном Писании апостол Павел призывает христиан «взяться за предлежащую надежду, то есть Крест, который для души есть как якорь безопасный и крепкий» (Евр. 6, 18–19). Возможно и обратное — символика якоря появляется ввиду сходства с крестом. Кроме этого, в толковании символики креста с полумесяцем присутствуют не менее значимые образы, органичные для христианского богословия и литургики: чаша, в которую стекала кровь Христа; вариант т.н. «процветшего креста» (где растительные ветви примитивизируются до рогов полумесяца); символическое обозначение солнца (крест) и луны (полумесяц); Церковь, крестившаяся во Христа, облекается в Него, в Солнце правды; Вифлеемская люлька, принявшая Богомладенца Христа; купель крещения; чаша, где содержатся Тело и Кровь Христовы и др.

В древности, что видно на многих иконах, полумесяц использовался в качестве символа Богородицы, что усматривается в знаменитом Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе): «и явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна» (Откр. 12, 1). Эта символика отражена на куполах храма Софии Вологодской (1570), Свято-Троицкого собора Верхотурья (1703), храма блаженного Косьмы в городе Костылево, где установлены кресты с причудливым орнаментом: двенадцатью звездами на исходящих из центра лучах и с полумесяцем снизу.

По мнению автора, первоначально такие кресты могли появляться только над храмами, освященными в честь Божией Матери. Учитывая, что в русской традиции со времен Киевской Руси почти все кафе-

дральные соборы принято было освящать в честь Успения Богородицы, эта символика стала доминирующей на куполах русских храмов в более позднем времени.

Среди «недообразованцев» звучит расхожая версия о том, что полумесяц у основания купольного креста появляется на Руси в связи с победой русских христианских войск над принявшими ислам татаро-монголами. Однако здесь, избегая подробных рассуждений, достаточно провести небольшой экскурс в историю и увидеть, что это сочетание имеет еще доисламское происхождение.

«...Сочетание креста и полумесяца можно встретить — пусть не столь часто — и в византийском искусстве. ... Интересующая нас композиция встречается в Византии или близких к ней областях и безотносительно к храмовому декору. Она представлена, в частности, на каменном рельефе стены синайского монастыря св. Екатерины (VI в.); на каменном троне, известном под названием «трона св. Марка» из венецианского собора св. Марка (VI в.), привезенном в Венецию вместе с мощами св. Марка в 828 г.; на рельефе каменного саркофага епископа Феодора (688 г.) из базилики св. Аполлинария в Гавани под Равенной; известны барельефы эпохи Палеологов с композицией такого рода. ... Наконец, изображение креста и полумесяца мы находим — в целом ряде случаев — на византийских монетах... Крест с полумесяцем иногда представлен на короне императора, как, например, на монете Ираклия (610–641), иногда на его скипетре, как, например, на монете Андроника II Палеолога (1282–1328), и, наконец, — в целом ряде случаев — в качестве отдельной композиции... Характерно, что Максим Грек, рассматривая кресты такого рода в уже упоминавшемся «Сказании о том, что под крестом на церкви окружен аки месяц млад», отнюдь не трактует их как местное русское явление и не сомневается в их греческом происхождении, полагая, что под крестом находится греческая буква υ (ипсилон)» [Успенский, 2006].

В русской традиции символ креста с полумесяцем известен с домонгольских времен, по причине чего бессмысленно говорить о «победе над мусульманами». Так, крест с полумесяцем на куполе, сохранивший первоначальную форму, расположен в навершии владимирского Дмитриевского собора, построенного в 1194–1197 гг., в храме Покрова на Нерли (1165). Такие же кресты имеются и на других древнейших и современных православных храмах.

Восприятие креста с полумесяцем как символа противоборства религий возникает в позднее средневековье на Западе: «... после битвы при Лепанто (1571 г.) крест с полумесяцем вновь появляется на Западе, но в совершенно ином значении: он символизирует победу христианства над исламом» [там же]. Так что изобретение подобной трактовки нужно целиком и полностью усвоить католикам, но никак не православным.

Если же говорить о полумесяце, как исламском символе, то здесь также не так все просто и однозначно. В массовом порядке полумесяц появляется на минаретах и куполах мечетей только с XVI в. По сообщениям хронистов полумесяц появляется в гербе турецких государей с 1453 г. в связи с захватом Константинополя. До этого полумесяц используется в совершенно разных цивилизационных образованиях: как составляющая герба Византийской империи и как родовой языческий символ. Любопытно, что символ цаты (полумесяца) является частью гербов некоторых русских городов.

Многие современные мусульманские исследователи и богословы не отождествляют символ полумесяца с исламом. Вообще, принцип заимствования символики и обычаев от именитых соседей был широко распространен как среди христианских, так и среди мусульманских правящих элит. Полумесяц как геральдический символ имеет языческое происхождение еще с дохристианских времен, когда он использовался как символ многочисленных лунных божеств. Позже, в силу географической преемственности полумесяц стал частью герба Константинополя, основанного в Малой Азии. Этот символ определенным образом стал ассоциироваться с царским родом независимо от правящей византийской династии. Уже на закате империи символ перенимается завоевателями. «С момента восшествия на престол Мехмет II видел себя в качестве наследника классической Римской империи и ее христианского преемника. Теперь завоевание Константинополя только утвердило его в этой роли. Перед ним была Византия, которую нужно было возродить в новом облике» [Кинросс Лорд, 1999. С. 124]. Естественно, что византийские царские регалии и знаки отличия стали органичной частью жизни новых правителей, обосновавшихся в Малой Азии.

Таким образом, полумесяц как символ продолжил свою жизнь в этом географическом ареале, а затем, с турецкими завоеваниями в мусульманском мире, обрел еще большее величие и вышел за пределы малоазийских земель. «Во всяком случае полумесяц как религиозный символ, имевший для мечетей то же значение, как крест для христианских храмов, был характерен не для ислама вообще, но специально для турецко-османского

ислама и, например, на туркестанских мечетях не встречался до русского завоевания» [Бартольд, 1966. С. 489–490].

В мусульманском богословии до сих пор неоднозначно воспринимают символ полумесяца, и сами мусульмане не склонны отождествлять полумесяц с исламом, понимая, что этот символ имеет «глубоко языческие корни» [Рысжанов, 2008].

Замечательно, что немного раньше, другой мусульманский полководец, эмир Тимур, вполне спокойно носил корону, увенчанную крестом, что было вызвано наличием этого символа в венцах византийских василевсов³ — так силен был авторитет империи, даже в период ее агонии.

Ранняя история ислама

Разговор о взаимовлиянии двух крупнейших религиозных культур невозможно начать без упоминания ранней истории ислама. После вывода «в свет» некоторых исторических фактов современные стереотипы об исламе теряют источник своей подпитки. В наше время может показаться невероятным тот факт, что ранняя исламская община не очень сильно дистанцировала себя от христианского мира и находила существенную и дружескую поддержку у христианских государей:

«община Мухаммеда не могла не питать надежды, что единоверцы когда-нибудь освободят ее от притеснений язычников; в этой надежде был нанесен удар вестью о поражении греков в Палестине в 614 г., которая была принята в Мекке, как весть о поражении единоверцев Мухаммеда (сура XXX и комментарии к ней). По преданию, мусульмане нашли поддержку у союзника Византии, абиссинского негуса, «справедливого царя, в земле которого никому не было обиды»; туда переселились те из мусульман, положение которых в Мекке было особенно невыносимо: бедняки, не имевшие защитников, или представители аристократии, отвергнутые своими родственниками, ревностными язычниками; к числу таких аристократов принадлежал будущий халиф Осман, член враждебного пророку рода Омейядов» [Бартольд, 1966. С. 95].

Таким образом, ислам во многом обязан христианству в том отношении, что он сумел выстоять перед агрессивной реакцией языческого мира, и идея единобожия уже в иной религиозной традиции получила

³ На это обстоятельство обратили внимание автора экскурсоводы в музее, расположенном в обсерватории Улугбека в г. Самарканде. Там же автор видел рисованный портрет Тимура с четырехконечным крестом на короне.

распространение на широком географическом пространстве. «Исторические процессы... — победа христианства и образование современной западноевропейской культуры — имеют, несомненно, мировое значение; без победы христианства трудно было бы себе представить себе возникновение ислама...» [там же. С. 208]. И в принципе иное развитие событий, когда почитатели Единого Бога вдруг стали бы притеснять своих единомышленников, было вне всякой логики и вне законов социологии. А последующие конфликты между христианством и исламом были вызваны исключительно политическими соображениями, где не последнюю роль играют греховные человеческие страсти...

Государственное устройство, политика

Христианское влияние

Разрозненные арабские племена, объединенные Мухаммедом, никогда в своей истории не имели развитого государственного устройства⁴ или, если выразиться вернее, развитой «государственной культуры». Естественно, что, объединяясь в моноэтническое образование, арабы вынуждены были заимствовать элементы государственности от своих ближайших соседей. Так, достаточно любопытно, что денежная система арабского государства была основана на византийских и персидских монетах, причем византийские монеты имели изображение креста, что не вызывало «государственной аллергии». Кроме этого языком делопроизводства в мусульманском государстве был «христианский» греческий язык. И такое положение вещей продолжалось сравнительно долго.

«...Только в конце VII в. в делопроизводство был введен арабский язык. С этого же времени стали чеканить монету с чисто арабскими и мусульманскими надписями; раньше в бывших византийских владениях чеканили монету византийского типа, с изображением креста, в бывших персидских — монету персидского типа, с изображением жертвенника огню. Арабы застали в Византии золотую, в Персии — серебряную монетную систему; такое же различие между бывшими византийскими и бывшими персидскими областями оставалось при исламе. Мусульманская монетная система различает золотые динары (от лат. *denarius*), серебряные дирхемы (греческое слово *drachme*, проникшее в Персию после Александра), и медные фельсы (греч. *obolos*)» [там же. С. 159].

⁴ Здесь все же стоит упомянуть о древних южноаравийских государствах, например — государство Химьяр, где жители в основном, в отличие от языческих соплеменников исповедовали христианство и иудаизм.

Еще более интересным фактом является то, что ранняя арабская государственность, не делала упор на абсолютном мистическом доминировании арабского языка, и даже «латинский язык употреблялся в первое время после завоевания и на мусульманских монетах, для передачи мусульманского символа веры» [там же. С. 237].

Естественно, что любая новая политическая система проходит периоды своего формирования, становления и прогрессивного развития. Причем все эти процессы, глубоко замешанные на пресловутый «человеческий фактор», не всегда проходят гладко, а очень часто и трагически. Не избежал этого арабский халифат. И тут вдруг выясняются неожиданные подробности. Так, В.В. Бартольд отмечал, что в период правления халифа Омара, стало сильно возрастать влияние инородцев и иноверцев: «в 644 году Омар был убит рукой перса; один из сыновей Омара в отместку за это убил главного персидского вельможу; до избрания нового халифа власть на три дня была передана греку Сухейбу ибн Синану» [там же. С. 105].

Данная работа содержит отдельный отдел о философии, но автор счел нужным именно в этом разделе указать на собственное предположение о влиянии христианской государственной идеологии на философию государства в мусульманском мире. Дело в том, что в период легализации христианской Церкви и ее интеграции в государство в IV в., христианским историком Евсевием Кесарийским, была сформулирована идея симфонии (созвучия) двух властей — государственной и религиозной, где каждая имеет свою сферу ведения, но, изливаясь из единого священного Источника, они должны существовать в теснейшем союзе, при необходимости даже заменяя друг друга [Смирнов, 2010]. Естественно, что провозглашенная в христианском мире такая модель государственного устройства взаимобразно нашла отклик и в исламской среде, где была развита идея о сакральном значении власти [Баутин].

«Исключая немногих философов, знакомых с античными теориями об идеальном государстве (в тесном союзе между государством и религиозным институтом), такой взгляд разделялся и самыми выдающимися представителями мусульманской науки. Величайшему из мусульманских ученых Бируни (в XI в.) союз между государством и религией представлялся «высшей ступенью развития человеческого общества, осуществлением всего, к чему только могут стремиться люди»» [Бартольд, 1966. С. 29].

Разговор о преемстве в государственном устройстве тоже можно дополнить указанием на родство государственных титулов христианского и исламского миров. В качестве примера можно указать на такое уникальное государственное образование как Турция:

«покорив Малую Азию, до тех пор остававшуюся под властью византийцев, турецкие представители этой области приняли византийский императорский титул и задолго до завоевания Константинополя называли себя «римскими кесарями». (Из примечания: Уже в 1081 году сельджукский правитель Малой Азии называл себя «царем Рума, кесарем» — «малик-и Рум, кайсар»)» [там же. С. 31].

Для каждого историка, специализирующегося на Средней Азии, известно, что институт вакфа, является органической частью прошлого этого региона. И это установление напрямую связано с религией, поскольку вакуфные владения давались для содержания культовых сооружений, духовных образовательных учреждений, мусульманских святынь и памятных мест. Но малоизвестно, что классический вакф был введен христианами в собственной религиозной жизни, а от христиан перешел в ислам. «...Это известие (о передачи в собственность для содержания одному из христианских храмов в Египте заводов и доходных домов — прот. С. Ст.) подтверждает вывод, к которому можно прийти *A priori*: что институт вакфа заимствован мусульманским правом у христиан, так как об обратном влиянии в VII в. еще не могло быть речи» [там же. С. 453].

Арабская экспансия, выплеснувшаяся далеко за пределы языческого мира, «отхватила» от Византии значительную часть ее территорий. Естественно, что в ходе завоеваний христиане и мусульмане вступали в различные виды взаимоотношений: политические торговые, интеллектуальные и др. Не следует скрывать, что успеху арабских завоеваний способствовали догматические расколы в христианской среде, после которых еретические течения за короткое время оформились в национальные вероисповедания. По этой причине мусульмане, веру которых поначалу воспринимали как одну из христианских ересей, не встречали особого сопротивления в Сирии, Палестине и Северной Африке, поскольку их приход воспринимался как избавление от гнета официально православной Византии.

«Расколу в восточнохристианском мире, который, как известно, на много веков предшествовал разделению церквей в Европе, обычно-

венно приписывают некоторое влияние на ход мусульманского завоевания и на судьбу мусульманского владычества в покоренных областях. Указания на это есть в источниках. Мусульманские комментаторы Корана связывают слова 5-й суры (стих 17-й) о взаимной вражде и ненависти среди христиан» с фактом распада сирийской церкви на мелькитов, яковитов и несториан...» [там же. С. 651].

В условиях, когда политическая власть в завоевываемых населенных пунктах была парализована, христианская иерархия оставалась единственной властью, с которой арабские завоеватели вели переговоры и заключали соглашения. «Заключение договора о сдаче Дамаска приписывается епископу города, по-видимому православному, и православному сановнику Мансуру ибн Серджуну, отцу или деду создателя православной догматики Иоанна Дамаскина; в IX в. двое из потомков того же Мансура занимали патриарший престол в Иерусалиме»⁵ [там же. С. 652]. Впоследствии именно христианская духовная власть часто распространялась мусульманскими властями на христианское сообщество, как на отдельный этнос. В Турции Константинопольский патриарх носил даже звание «этнарха», то есть политического начальника всех христиан.

Исламское влияние

Исламское государство — халифат и государства, возникшие после его распада, как позднейшие по отношению к христианской цивилизации политические образования уже не могли выступить в роли новаторов, предлагающих принципиально новые формы государственного устройства, которые мог бы заимствовать христианский мир. Однако стремительное культурное развитие мусульман позволило оказывать определенное влияние на политическую жизнь в области распространения христианства.

«Культурное первенство мусульман сказывалось и в государственной жизни, как при ведении войн, так и в мирное время. Уже в начале IX в. упоминается арабский инструктор в Византии; не получив обещанной награды, он ушел к болгарам, тогда еще язычникам, и благодаря ему болгары одержали свою первую победу над греками (811 г.). В том же IX в. паломники из Западной Европы признавали, что их жизнь и имущество были более обеспечены в мусульманских странах, чем на их родине» [там же. С. 168].

---

⁵ По-видимому, речь идет все-таки о деде преподобного Иоанна Дамаскина, который имел то же арабское имя, согласно восточным обычаям наследия родовых имен.

Рассказывая ранее об обороте христианских монет в раннем арабском государстве, следует отметить, что ситуация повторяется позднее в зеркальном отражении: «уже первые халифы, религиозный авторитет которых впоследствии считался почти равным авторитету самого пророка, допускали чеканку монет с христианскими и персидскими символами, как впоследствии крестоносцы чеканили монеты с мусульманским символом веры» [там же. С. 306].

Терминология и словообразование

Христианское влияние

Терминологические заимствования и словообразование из иностранных языков являются наиболее освещенной темой в основном в филологических дисциплинах. Но и в нашем случае крайне интересно, что, например, название дней недели, принятое в различных вариантах произношения на территории всей Центральной Азии, имеет заимствование из христианства: «персами-мусульманами до сих употребляют название дней недели, заимствованные не у мусульман-арабов, но у персов-христиан» [там же. С. 149]. Современная неделя иранского календаря имеет следующее обозначение дней недели: суббота — шамбе (перс. *آه‌بن‌ش*); воскресенье — йекшамбе (перс. *آه‌بن‌ش‌ک‌ی*); понедельник — дошамбе (перс. *آه‌بن‌ش‌و‌د*); вторник — сешамбе (перс. *آه‌بن‌ش‌ه‌س*); среда — чахаршамбе (перс. *آه‌بن‌ش‌ر‌ا‌ه‌چ*); четверг — панджшамбе (перс. *آه‌بن‌ش‌ج‌ن‌پ*); пятница — джоме (перс. *آه‌ع‌م‌ج*) или адине (перс. *آه‌ن‌ی‌د‌ا*). Здесь названия дней с воскресенья по четверг представляют собой прибавление к имени субботы последовательного числительного: воскресенье — «один-суббота», понедельник — «два-суббота» и т.д., что явно отражает библейскую традицию, где суббота была ключевым днем, в том числе для раннего христианства. И только название пятницы «Джоме» происходит от арабского слова «собрание» — имеется в виду традиционная пятничная коллективная молитва мусульман.

Кроме бытовых заимствований из христианства, ислам, в процессе выработки собственной богословской терминологии безболезненно воспринял из христианства некоторые обозначения, в том числе и ключевые для мусульман: «йеменское христианство, несомненно, оказало влияние на ислам, как показывает слово рахман (выделено авт. — прот. С. Ст.), встречающееся в йеменских христианских надписях, притом всегда для обозначения бога-отца, а не бога-сына...» [там же. С. 473].

Главный богословский термин ислама, называющий Всевышнего Бога «Аллахом» имеет также отношение к христианству или, по крайней мере, имеет к христианству очень близкое родство.

«Известно, что христиане, говорившие на древнесирийском языке (или его восточно-арамейском диалекте), называли Бога Алаха. Предполагается, что название это происходит от древнееврейского Элохим, т.е. Бог. Вполне возможно, что имя Аллах берет свое начало от этого древнесирийского имени Бога, особенно если учесть, что арабские христиане тоже именовали Бога Аллахом и продолжают так называть его по сей день. Согласно другим источникам, это название произошло от слова ал-илах, что означает Бог. Однако в доисламской истории нет никаких сведений, подтверждающих правоту этой гипотезы» [Гилкрист].

Иисус Христос, которого ислам почитает как одного из великих пророков, является также одним из значимых персонажей Корана. Не без христианского влияния обошлось употребление имени Христа в священной книге мусульман.

«И хотя имя, которым арабские христиане всегда называли Иисуса, было Ясу (происходит от древнееврейского Яшуа), в Коране используется имя Иса, которое, по всей вероятности, берет свое начало от несторианского Исхо. Нигде в христианской истории не встречается сколь-нибудь исчерпывающего объяснения странного имени Иисуса, используемого в Коране. Поскольку арабский язык относится к семитской группе, тесно связанной с древнееврейским языком, то вполне закономерно было бы ожидать использования имени Ясу. На самом деле полное имя Иисуса, используемое сирийскими несторианцами, было Исхо Мшиха, т. е. Иисус Мессия, и наиболее распространенное имя, используемое в Коране, очень на него похоже — ал-Масиху Иса (сура 3:45)» [там же].

Помимо имени Иисуса ряд собственных имен в исламе имеет христианское происхождение не по наследству от предшествующих поколений, а в порядке религиозного влияния: «...интересно, что данное Омару (одному из четырех праведных халифов — прот. С. Ст.) прозвище **фарук**, заимствованное мусульманами у иноверцев, значит по-сирийски «спаситель», как эпитет Христа» [Бартольд, 1966. С. 221].

Исламское влияние

Описывая терминологические заимствования, следует признать, что в этом отношении ислам сыграл более выдающуюся роль в жизни позднего христианства, чем христианство повлияло на ислам.

«Целый ряд слов, перешедших во все западноевропейские языки, свидетельствует о влиянии мусульманского мира на европейский в области духовной и материальной культуры; слова заимствовались не только из арабского, но и из персидского; ими обозначались и понятия, свойственные теперь только европейскому денежному хозяйству; таково, например, заимствованное из персидского языка слово чек» [там же. С. 228].

Подобное влияние объясняется многими причинами, главными из которых являются мусульманские завоевания в Европе, с последующим созданием уникальной, можно сказать, смешанной исламо-христианской цивилизации в основном на территории современной Испании. Кроме этого, более высокий уровень исламской культуры в средневековье буквально вынуждал обращаться к ее достижениям христианское общество.

Большой вклад исламской культурой был сделан в формирование технических и бытовых терминов:

«почти сразу же после того как удобство арабского счета было убедительно показано, он получил широкое практическое применение. Вместе с цифрами в европейские языки вошли различные новые слова. Французское *chiffre*, немецкое *ziffer*, английское *cipher*, так же как французское и английское *zero*, все произошли от арабского *сыфр* — «пустой»» [Монтгомери, 1972. С. 88].

Еще до того, как турецкие завоеватели приняли титул византийских правителей «кайсери», европейские правители спокойно принимали исламские титулы:

«для испанских мусульман отдаленный халиф (из династии Алморавидов, проживающий в Африке — прот. С. Ст.) сделался символом их принадлежности к мусульманскому миру и был для них тем же, чем римский папа для их врагов. Эту аналогию вполне осознавали и современники; когда кастильский король Альфонс VIII в конце XII в. стал чеканить монеты с христианскими надписями, но на арабском языке, он в этих надписях называл себя эмиром католиков, римского папу — имамом церкви христовой» [Бартольд, 1966. С. 31].

Характерны для средних веков и параллельные заимствования в терминах в одной и той же профессиональной отрасли между христианами и мусульманами:

«...в Турции в первой половине XVI в. вполне сознавали, какую опасность представляло для мусульман превосходство на море европейских держав; были приняты меры к созданию флота по европейским образцам, как прежде европейцы подражали арабам; характерно, что в мусульманской Турции должность начальника флота обозначалась европейским словом «капитан» (капудан-паша), тогда как всю христианскую Европу было принято слово арабского происхождения (адмирал, от эмир)» [там же. С. 200].

Живопись, музыка, литература

Христианское влияние

Этот раздел настоящего исследования посвящен очень узкому разделу культуры, в котором в основном подразумеваются ее «рафинированные» направления, такие как живопись, музыка и литература. Другие проявления культуры, такие, например, как архитектура, философия, наука, рассматриваются в настоящей работе отдельно.

«Памятником этой эпохи (царствования Валида I (705–715), когда мусульманами одерживались блестящие победы — прот. С. Ст.) является замок Кусейр-Амра в местности к востоку от Иордана, где стенная живопись изображает омейядского халифа и побежденных врагов ислама — римского кесаря, сасанидского царя Персии, абиссинского негуса и Родрига испанского» [там же. С. 22].

В этом примере, христианским влиянием можно объяснить не только наличие христианских персонажей, но и сам факт живописи, несмотря на то, что в исламе спустя небольшое время после смерти Мухаммеда был введен запрет на изображение одушевленных существ [Керимов, 2009].

Эмир Тимур, создавший огромную империю с центром в городе Самарканде, несмотря на указанный запрет, вполне допускал создание живописных миниатюр. По мнению автора, великий завоеватель делал это опять же в подражание христианским правителям, которые имели обычай вести летопись своей жизни и деяний, как в тексте, так и в красках. Значительная часть миниатюр, современных Тимуру, рассказывают о нем. По свидетельству ибн Арабшаха этот правитель приказывал изображать его, битвы, осады, дипломатические и правительственные приемы и другие события, для того, чтобы «увековечить память о его подвигах и дать возможность тем, кои о них не знали ничего, стать их очевидцами» [Ру, 2007. С. 216–217].

Исламское влияние

Для европейского уха достаточно непривычны музыкальные мелодии и манера исполнения, принятая в мусульманских странах. Но эта отдаленность в восприятии не помешала исламской музыкальной культуре существенным образом повлиять на формирование европейской (христианской) музыкальной культуры: отчасти в теории, но в основном в ее инструментальной части:

«несколько арабских теоретических работ по музыке были переведены на латынь и древнееврейский, но гораздо большее влияние на Европу оказала музыкальная практика арабов, их манера пения и игры, которая была широко распространена ... «Морри-совы танцоры» в Англии (само название произошло от слова Moorish — «мавританский»), исполняющие свое представление с игрушечными лошадками и бубенчиками, это также реминисценция об арабских менестрелях» [Монтгомери, 1972. С. 46].

«И в музыкальной теории, и на практике арабы Испании проявили себя в полной мере. Севилья была известна производством музыкальных инструментов, а арабские слова для названий лютни и гитары, «ребека» и «литавр», указывают на то, что данные инструменты были заимствованы европейцами от мусульман» [Монтгомери, 2008. С. 49].

Помимо музыкальной культуры, большое значение для христианской Европы имели конкретные мусульманские литературные произведения, например, «Калила и Димна».

Архитектура и строительство

Тема религиозного взаимовлияния в архитектуре является, пожалуй, самой наглядной в содержании работы. И действительно, факты влияния в других отраслях искусства и науки могут проходить через обвинения в излишней субъективности и неправильной интерпретации, тогда как памятники архитектуры служат очевидным свидетельством для любого непредвзятого наблюдателя.

Христианское влияние

Если говорить о влиянии христианских элементов в исламском строительном искусстве, то сразу нужно пояснить, что такое воздействие наибольшим образом отразилось в мусульманских объектах культа. Не имея собственного опыта в возведении больших строительных объ-

ектов, мусульманские правители вынуждены были привлекать специалистов со стороны, которые вносили свое видение внешнего и внутреннего вида новых построек. «Установлено, что мусульманские правители при сооружении светских и религиозных построек пользовались услугами христианских и персидских мастеров; мастера составляли землячества, которым поручалось сооружение отдельных зданий или отдельных частей в больших постройках» [Бартольд, 1966. С. 151].

Ранние исламские храмовые сооружения недалеко уходили от христианских прототипов. И в настоящее время, не только экстерьер, но и даже привычные и необходимые атрибуты любой мечети, как выясняется, имеют христианское происхождение.

«По своей первоначальной архитектуре мечеть более походила на двор христианского храма с бассейном для омовения посередине и крытыми галереями по сторонам, чем на самый храм. Председательство в этих собраниях, конечно, принадлежало Мухаммеду; о внешних атрибутах его власти Коран не говорит; древнейшим из них, по преданию, был жезл (аса или кадиб); за несколько лет до смерти пророка появился еще минбар – небольшое деревянное седалище, на которое поднимались по двум ступеням и которое легко переносилось с места на место. Самое слово, вероятно, было заимствовано от арабских или абиссинских христиан (минбары были в знаменитом йеменском Калисе...); в христианских базиликах седалище епископа помещалось в том же месте, где в языческих сидел судья. Обращение минбара в кафедру имама произошло много лет после смерти пророка, как и в христианском мире амвон проповедника только впоследствии отделился от седалища епископа» [там же. С. 101].

При возведении христианских храмов по сию пору большое значение имеет их ориентация по сторонам света. Вследствие того, что, по христианским представлениям, Второе пришествие Христово должно произойти с Востока, и вообще эта часть света насыщена положительным содержанием; и сам Спаситель называется в Новом Завете «Восток свыше» (Лк. 1, 78), алтарная часть храмов издревле была сориентирована на Восток. Эта же особенность присутствовала в раннем исламе: «ориентировка (ранних мечетей — прот. С. Ст.) на восток могла быть заимствована только у христиан. Современная наука вообще приходит к выводу, что первоначальная мусульманская община, вопреки прежнему мнению, стояла ближе к христианам, чем к евреям...» [там же. С. 541].

Каноны ислама о возведении открытых помещений для молитвы не всегда соблюдались под влиянием христианских храмовых архитектурных типов:

«предание говорит об этой «мечети вреда» (из-за которой в мусульманской общине произошел раскол, см. 9 суру) несколько подробнее; из предания видно, что новое здание должно было отличаться от старого по назначению и по внешнему виду; по словам строителей, мечеть была построена «для больных и нуждающихся, для дождливой ночи и зимней ночи». Очевидно речь идет о здании, где можно было найти убежище от дождя и холода, т.е. о закрытом помещении — характерной особенности христианских храмов, тогда как ислам был связан с возвращением к идее богослужения под открытым небом. Необходимостью дать защиту молящимся от холода и зноя оправдывалась и первая постройка византийского типа в мусульманском мире — воздвигнутая халифом Абд ал-Меликом купольная постройка над священной скалой в Иерусалиме» [там же. С. 542].

Но и классический открытый вид мечети, как видно из результатов археологических исследований, по всей видимости, также относится к христианским прототипам.

Подражание мусульманских правителей византийской системе власти с ее помпезностью распространялась и на религиозную архитектуру:

«ислам теперь (после победы в 751 г. над Китаем) подражал Византии во внешних формах выражения идеи империализма; построенная Валидом I соборная мечеть в столице халифов, Дамаске, и мечеть над гробом пророка в Медине по своей идее вполне соответствовали константинопольской св. Софии, постройке Юстиниана, и иерусалимскому храму Гроба господня, считавшемуся постройкой Константина Великого...» [там же. С. 222].

Более того, привычные детали внешнего и внутреннего устройства мечетей испытало гигантское влияние христианских принципов храмовой архитектуры:

«блестящим памятником этого периода (царствования Валида I (705–715) — прот. С. Ст.) осталась построенная Валидом мечеть в Дамаске, считавшаяся и в X в. самым великолепным зданием мусульманского мира. Здание было перестроено из христианского храма,

и вообще мусульманский религиозный культ получил при Омийядах дальнейшее развитие под влиянием христианского; в подражание колокольне появился минарет, в подражание алтарю — михраб (ниша, указывающая направление к Ка'бе)» [там же. С. 109].

Восточная архитектура, особенно Аравии и Северной Африки⁶, имеет одну из главных особенностей — округлую сводчатую форму всех сквозных или ложных отверстий в зданиях: окон, дверей, фасадных украшений. В принципе, сейчас уже психологически такую форму архитектурного декора невозможно отделить от исламской культуры. Но и здесь мы наблюдаем христианское происхождение этого стиля: «...подковообразная арка, эта отличительная черта мавританского архитектурного стиля, очевидно, была заимствована у вестготских построек» [Монтгомери, 2008. С. 47].

Мистические суфийские ордена, появившиеся в исламе, не без влияния христианской монастырской системы, также не стали изобретателями в области собственных архитектурных форм. Их обители — ханака, стали модернизированным отражением, как прошлого христианского наследия, так и современных им организационных форм монастырей.

«Обители суфиев, как подвижников, появились в Египте только во второй половине XII в.; значительно раньше эти обители — ханакки (персидское слово) — упоминаются в Азии, причем как употребление слово ханака, так и некоторые легенды показывают, что ислам в этом случае находился под влиянием других религий. Персидский географ X в. называет «ханаккой» манихейский монастырь в Самарканде. Историк суфизма Джами, писавший в XV в., рассказывает, что первая ханака была построена «христианским эмиром» города Рамлы в Палестине» [Бартольд, 1966. С. 116–117].

Не обошлось без заимствований и сооружение мусульманских погребальных архитектурных типов:

«к началу XI в. относится самая старая из дошедших до нас датированных построек мусульманской Персии — построенная в 1006–07 г. гробница джурджанского ... князя Кабуса ибн Вашмгира. Здание построено по типу, широко распространенному в прикаспийских областях и на Кавказе, между прочим, и в церковной архитектуре: многогранная призма с коническим верхом» [там же. С. 183].

6

Современное подражание этому стилю имеет название «Марракеш».

Исламское влияние

Исламское архитектурное влияние на христианское строительное искусство выразалось в том, что творческие переработанные и во многом усовершенствованные христианские архитектурные формы были «возвращены» христианскому миру, где во многих случаях органично прижились и стали неотъемлемой частью культуры. «Испанский язык свидетельствует, что именно арабам принадлежат многие улучшения и усовершенствования в строительной технике» [Монтгомери, 2008. С. 47].

В современную нам эпоху глобализации, арабо-мусульманские архитектурные формы становятся частью декора многих частных и общественных сооружений. Арабский и североафриканский стиль, психологически навевающий настроение безмятежности и созерцательности, становится украшением современных жилищ с «евроремонтом», буквально по всему миру.

Наука и образование

Достижения науки и образования в различных культурах как нигде подвержены циклическому закону подъемов и упадков. Этот же принцип мы наглядно видим в истории взаимоотношений христианства и ислама. Ислам, возникший в среде кочевников, будучи перенесен на христианскую «почву» по историческим меркам практически мгновенно вошел в стадию величайшего расцвета своей культуры и науки, значительно превзойдя при этом прошлые достижения свой христианской культуры-учительницы. Затем, по закону циклов исламский мир вошел в хронологическую полосу стагнации с новым христианским доминированием. Подобные процессы теоретически могут продолжаться бесконечно, но ровно до тех пор, пока их упразднят процессы глобализации...

Христианское влияние

В данной работе в качестве иллюстраций можно приводить множество отдельных фактов того, что исламские науки, в том числе и естественные, появились под влиянием христианской культуры. Но в данном случае можно ограничиться несколькими иллюстрациями:

«со второй половины VIII в. христиане способствовали изучению греческой науки мусульманами. Есть известие, что халиф Мансур (754–775) просил византийского императора прислать ему рукописи математических сочинений; в IX в. главный из переводчиков с греческого на сирийский и арабский, араб-христианин Хусейн ибн Исхак провел два года в византийских владениях, где учился греческому

языку и литературе и оттуда привез с собою рукописи. Мусульмане, однако, могли учиться греческой науке у своих христианских сограждан и независимо от сношений с Византией; джундишапурская медицинская школа на несколько веков пережила арабское завоевание... Неизвестно, ездил ли в Византию придворный астроном халифа Махди (775–785) Феофил Эдесский, который перевел на сирийский язык «Илиаду» и «Одиссею» [Бартольд, 1966. С. 152].

«Завоевав Ирак, арабы обнаружили там прекрасно поставленную медицинскую службу. Направляли ее христиане-несториане из упоминавшейся ранее медицинской школы в Гундишапуре. ... В число преподаваемых предметов входили также «греческая наука» и философия. Мусульмане, открыв собственные школы, сохранили там подобное сочетание дисциплин. В результате нередко встречались люди, хорошо подготовленные в разных областях знания. ... После первого периода переводов, когда основные работы Галена и Гиппократы стали доступны арабам, христиане потеряли свою монополию на медицину, и некоторые мусульмане достигли такого положения в медицинской науке, что оказались много выше своих христианских предшественников и почти на уровне величайших из греков. Здесь достаточно назвать двух самых знаменитых: Разеса и Авиценну; третьим был врач, известный в Египте как Хали Аббас» [Монтгомери, 1972. С. 57–58].

Последующие исторические события привели к тому, что в современном для нас состоянии исламская культура стоит пока в позиции ученика по отношению к европейской христианской науке и системе общего образования. Для текущего времени это очевидно. Такое же положение вещей было характерно и для начала XX в.

«Сами представители мусульманской науки отчасти сознают, что даже постановке преподавания своего языка и своей литературы им приходится учиться у европейцев. В печати был приведен характерный факт командировки с этой целью в Берлин, на зимний семестр 1910/11 г., одного из шейхов Азхарской мечети» [Бартольд, 1966. С. 375].

Исламское влияние

Но указывая на привычную для нас расстановку «научных сил» в современном мире, мы не должны забывать о том, что сама современная

система европейского образования во многом обязана исламу: «в средние века медресе, несомненно, оказали влияние на европейскую высшую школу; из современных европейских университетов больше всего похожи на медресе английские колледжи» [там же. С. 112].

IX в., на который приходится «исламский взлет», а упадок развития христианства едва только обозначался, был также характерен, согласно В.В. Бартольд для всех государств и культур стремлением возвеличить свои собственные культурные особенности, а именно:

«стремление каждого возвеличить свой народ и свою веру не мешало этим культурным элементам учиться друг у друга; христианин мог иметь учеником мусульманина или язычника, и наоборот. Христиане ближе мусульман стояли к общему источнику образования, эллинизму, тем не менее, им не удалось удержать за собой то место, которое принадлежало им в первые века ислама. Христиане раньше и лучше мусульман ознакомились с произведениями греческой науки; но движение этой науки вперед и создание образцов для дальнейшей научной работы было уже делом мусульман. Даже самый передовой из восточнохристианских народов, сирийцы, не выдвинули ни одного ученого, который мог бы сравниться с Фараби, Ибн Синой, Бируни и Ибн Рушдом. Лучшие ученые из христиан и язычников имели больше учеников и читателей среди мусульман, чем среди своих единоверцев» [там же. С. 152–153].

Даже позднейший европейский снобизм по отношению к исламу вынужден признать высокие заслуги этой религиозной культуры в развитии различных наук. У. Монтгомери, ссылаясь на достаточно предвзятого в пользу европейского превосходства барона Карра де Во («The Legacy of Islam» («Наследие ислама»)) приводит его высказывание:

«...арабы добились огромных успехов в науке. Они научили использовать цифры (арабские цифры. — У. М. У.), хотя и не они их изобрели, и стали таким образом основоположниками повседневной арифметики. Они превратили в точную науку алгебру, значительно развив ее, и заложили фундамент аналитической геометрии. Они, бесспорно, были основателями плоскостной и сферической тригонометрии, которой, строго говоря, у греков не было совсем. В астрономии они также сделали много ценных наблюдений» [Монтгомери, 1972. С. 51].

Такая специфическая наука, как математика в значительной степени обязана своему развитию арабо-мусульманской культуре, при этом, христианская культура сумела ее развить только благодаря трудам мусульманских ученых.

«Алгебра, почти совершенно неизвестная грекам.., достигла в Индии значительных успехов; европейцы ознакомились с этой наукой через посредство арабов и приняли ее арабское название (ал-джебр)» [Бартольд, 1966. С. 165].

«Первым значительным именем, как в математике, так и в астрономии было имя ал-Хваризми, известного европейским ученым как Алгорисмус (Alghoarismus). От этой модификации его имени образован был термин «алгоритм». ... Ал-Хваризми принадлежит также описание обитаемой части мира, основанное на «Географии» Птолемея. Наибольшее распространение, однако, получили его математические работы. Одна из них считается основополагающей для алгебры (само слово «алгебра» происходит от ее названия), а другая – первая работа по арифметике (за исключением индийских сочинений), где используется нынешняя система счисления, т.е. цифры, известные как арабские» [Монтгомери, 1972. С. 54].

«В сочинении, написанном около 950 г. человеком по имени ал-Уклидиси («Эвклидианец»), можно обнаружить начала учения о десятичных дробях. Среди математических трудов, которые переводились на латынь, были сочинения ан-Найризи (Anaritius) (ум. ок. 922) и столь же известного Ибн ал-Хайсама (Athazen) (ум. 1039). Последний, усвоив все труды греков и предшествующих арабских математиков и физиков, перешел к разрешению новых проблем. Сохранилось около 50 его книг и трактатов, из которых наиболее известна Книга ал-маназир (в латин. переводе «Opticae thesaurus»). В этом сочинении среди прочих рассуждений он опровергает теорию Эвклида и Птолемея о видимых лучах, которые следуют от глаза к объекту, и утверждает, что, наоборот, свет следует от объекта к глазу. Он рассматривает также вопрос, и по сей день называемый «проблемой Алхазена», и предлагает способ решения уравнений четвертой степени. Он проводил множество экспериментов, и результаты его работы со сферическими и параболическими зеркалами над рефракцией света при прохожде-

нии через прозрачную среду дали возможность определить плотность земной атмосферы. Он вплотную подошел также к открытию принципа увеличивающих линз» [там же. С. 55].

«Еще раньше в Багдаде жил математик Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми, умерший после 847 г. (в Европе *Algoritmi*), происходивший из Хорезма (нынешнего Хивинского ханства), автор трудов по алгебре и арифметике, считавшихся в Европе авторитетными до эпохи Возрождения (искажение имени этого ученого представляет и слово «логарифм»). Из еще более отдаленной Ферганы, в то время пограничной области мусульманского мира на востоке, происходил астроном Ахмед ал-Фергани (в Европе *Alfraganus*), умерший в 861 г. Из Туркестана происходил знаменитый философ Абу Наср ал-Фараби (в Европе *Alfarabius*), работавший в Ракке на Ефрате (ум. в 929 г.), с именем которого связаны первые сведения о тригонометрических функциях, проникших в Европу» [Бартольд, 1966. С. 165–166].

Помимо математики большой вклад мусульманская цивилизация внесла в развитие и других естественных наук.

«Китайские астрономы появились в XIII в. в Персии, но гораздо больше значения имела деятельность персидских астрономов в Китае, где местная астрономическая наука всецело подчинилась их влиянию, которое они сумели удержать и после прекращения (в XIV в.) монгольского господства в Китае и только в XVII в. были вынуждены уступить прибывшим из Западной Европы иезуитам. В Византии персидские астрономические сочинения переводились в XIV в. на греческий язык» [там же. С. 191].

«Лучшим периодом арабской географической литературы были IX и X вв.; сочинения географов этого периода являются первостепенным источником по культурной истории мусульманского мира. Географическая наука носила у арабов греческое название (джаграфия, т.е. *geografia*), и теоретические положения ее были заимствованы у греков; но по богатству фактического материала греческая наука не могла бы выдержать никакого сравнения с арабской. Изменившиеся условия культурной жизни отразились и на научных обобщениях. У позднейших греческих авторов был заимствовано мнение, что населенная часть мира составляет только четвертую часть суши...» [там же. С. 258–259].

«Уровень медицинской практики в Европе, до того как дало себя знать арабское влияние, видимо, был очень низок. ... Статистические данные показывают, что число ссылок в ранних европейских трудах убедительно свидетельствует о преобладании арабского влияния над греческим. В работах Феррари да Градо, например, Авиценна цитируется более трех тысяч раз, ар-Рази и Гален — по тысяче раз каждый, а Гиппократ – всего сто раз. Короче говоря, в XV–XVI вв. европейская медицина была лишь слабым развитием арабской» [Монтгомери, 1972. С. 89].

«На переднем крае научной алхимии арабов стоит корпус сочинений, приписываемых Джабир ибн Хайяну (Geber), который, видимо, жил во второй половине VIII в. ... Этот свод, сообщая сведения о многих отраслях древней науки, дает полное представление об алхимии как науке, основанной на эксперименте, использующей различную методику и инструменты для работы с химическими веществами, науке, базирующейся на положениях Аристотеля. В корпусе описана методика получения различных веществ, методика их ректификации. Некоторые слова, обозначающие химические вещества и лабораторную посуду, перешли из джабирова корпуса в европейские языки» [там же. С. 60–61].

Техника, технологии, изобретения и открытия

Все соображения, которые были высказаны в предисловии к разделу о науке и образовании в той же самой мере относятся и к настоящему разделу, который был выделен вследствие наличия достаточно большого массива информации, относящейся к этой теме.

Христианское влияние

«Техногенное» влияние христианской цивилизации на молодое мусульманское сообщество не нуждается в особых комментариях. То же самое можно сказать и о современности. В нашем случае внимание следует уделить некоторым фактам, когда христианский мир в полосе подъема начинает делиться своими достижениями.

Консервация исламской мысли, начиная с позднего средневековья, в границах традиции все же вынуждала богословские авторитеты давать дозволение к заимствованию некоторых жизненно важных технологий, а особенно военной техники:

«Если впоследствии (в 1728 г.) духовенство Турции должно было высказать свое мнение по вопросу, можно ли заимствовать у христиан книгопечатание, то вопрос о том, можно ли заимствовать пушки, не вызывал, по-видимому, никаких религиозных сомнений» [Бартольд, 1966. С. 63].

«Первые примеры обратного влияния европейцев на мусульманский мир относятся к области военного дела (огнестрельное оружие); еще большее значение имели успехи техники в области судостроения, которыми были вызваны европейские географические открытия XV и XVI вв., переход первенства в мировой торговле от сухопутных сношений к морским, переход господства на морях от мусульманских народов к европейским» [там же. С. 288].

С большими сложностями происходило заимствование исламской ойкуменой более мирных изобретений христиан. Консервативная позиция исламских богословских авторитетов создавала в этом отношении значительные трудности:

«в Европе еще в XV в., несмотря на сравнительно небольшое число грамотных людей, было напечатано огромное количество не только литературных, но и научных произведений; уже в XVI в. в Европе стали печатать для научных целей тексты на восточных языках; в мусульманском мире книгопечатание распространилось в XVIII в., прежде всего в Турции. Мусульмане без колебаний заимствовали у европейцев огнестрельное оружие, но для заимствования другого изобретения неверных, книгопечатания, потребовалось особое постановление богословских авторитетов, так как пользование печатными книгами вносило полный переворот в школьную жизнь, тесно связанную с религией» [там же. С. 200].

Исламское влияние

Согласно сложившимся стереотипам, как бы очевидным является факт того, что христианская европейская цивилизация имеет авторство в подавляющем большинстве изобретений, открытий и создании технологий. Но вопреки стереотипам следует сказать, что исламский мир оказал гигантское, прямое или косвенное, влияние на жизнь христиан не только в период своего величия, но исторически это влияние, через использование созданных мусульманами изобретений и форм хозяйствования, через движение по заданным мусульманскими учеными на-

правлениям технологической мысли продолжает свое действие и в современности.

Можно указать только на такой факт, что на основе приобретенного на Ближнем Востоке (бывшего ранее христианским) опыта по сбережению и распределению воды, арабы создали усовершенствованную ирригационную систему в Испании, которая стала образцом для других христианских народов. Это обстоятельство оставило в испанском языке массу специальных терминов по ирригации [Монтгомери, 2008. С. 44].

Привычные для нас в быту вещи обрели свое бытие именно в мусульманском мире: «Во второй половине IX в. в Кордове был открыт секрет производства хрусталя» [Монтгомери, 1972. С. 44]. Секрет создания привычной для нас бумаги принадлежит китайцам, но изобретение изготовления бумаги в промышленных масштабах и создание этих производств принадлежит мусульманам: «Везир Харуна ар-Рашида Йахья Бармакид около 800 г. построил в Багдаде первую бумажную мельницу. Затем через Сирию и Северную Африку производство бумаги пришло на Запад...» [Монтгомери, 2008. С. 49].

После закрепления мусульманского господства в море, арабы, приняв элементарные основы кораблестроения и навигации, вновь творчески перерабатывают. Сказ о русском Левше вполне применим и к мусульманам, которые многие «христианские» изобретения подвергли кардинальному совершенствованию, что в последующем вновь переходит в христианскую культуру и быт.

«Касательно оснастки судов арабы использовали в Средиземноморье опыт, приобретенный в Индийском океане, где они доминировали в оживленной торговле обширного региона от Кильвы в Восточной Африке до Малаккского пролива и далее. Именно в Индийском океане (несмотря на свое западное название) был изобретен «латинский» (треугольный) парус и оснащенное такими парусами судно, а на Средиземном море арабы первыми стали использовать «латинскую» каравеллу. ... Принцип треугольного паруса был заимствован и в дальнейшем усовершенствован европейскими кораблями, и, возможно, именно позволило строить более крупные суда, которые смогли пересечь Атлантику и совершить другие великие географические открытия» [там же. С. 40].

«Портоланы, или морские карты, которые были важным инструментом для навигации, создали генуэзцы и другие на основе мусульман-

ской картографии. Свидетельством тому является и заимствование арабских слов европейскими языками. В английском наиболее примечательными из них являются: *admiral* («адмирал»), *cable* («канат»), *shallop/sloop* («шлюп»), *barque* («барк»), *monsoon* («муссон»), однако в других языках этих слов гораздо больше» [там же. С. 42].

«Основные достижения в совершенствовании морского компаса принадлежат поровну европейцам и мусульманам... Изначальная разработка данного прибора, вполне возможно, была делом рук мусульман, однако некоторые более поздние усовершенствования несомненно принадлежат европейцам» [там же. С. 40–41].

Бесспорной заслугой мусульман являются расширение существующих на тот момент знаний о мире, в том числе и в географии: «...можно отметить, что именно от мусульман европейцы получили более широкие и точные географические познания. В начале XII в., судя по тому, что писал Уильям Мальсберийский, еще считалось, что весь мир, за исключением Европы принадлежит мусульманам». Большой труд под покровительством христианских королей в Сицилии Рожера II и Вильгельма I в XII в. осуществил мусульманский ученый ал-Идриси, создавший полное описание мира, известного на тот момент мусульманам. Эти сведения были изложены в серии из 70 карт с описанием, составляющим то, что иногда называют «Книгой Рожера» [там же. С. 42–43].

Философия

Философия является особой формой мышления человека. Подобно богословию, претендуя на мировоззренческий охват, философия пытается ответить на множество ключевых вопросов: о происхождении добра и зла, о смысле бытия и т.д. На заре своего возникновения в христианстве прослеживалось стремление отместить философию, которая практически везде обслуживала интересы язычества. Но уже во II в. н.э. философия, в основном греческая (эллинская) философия, имеющая языческое происхождение, органически вплетается в христианское течение мысли и постепенно встает в позицию «служанки» богословия. Уже позже такую трансформацию прошел ислам, который от простой идеи единобожия превратился в мощную, разветвленную богословскую систему под влиянием христианской философии. И потом уже исламская философия оказала существенное влияние на средневековое христианство.

Христианское влияние

Следуя естественным, «человеческим» законам мышления, ислам не мог избежать влияния философии на собственные теологические изыскания. В данном случае, ислам не мог стать новатором в изобретении новых философских доктрин, поскольку этот путь прошла более ранняя религия единобожия — христианство, которое столкнулось с немисленным множеством ересей и вызовов со стороны умирающего язычества и возникшего на его основе гностицизма. Ислам, диалектически проходящий процессы становления, вынужден был воспользоваться христианскими философскими наработками.

«Многочисленные переводы греческих философских работ были сделаны в IX в., один-два, вероятно, уже в VIII в. Возможно, что до появления переводов теологи знакомились с греческими идеями через личные контакты с людьми, обучавшимися в христианских медицинских школах. Даже если мусульмане сталкивались с греческими идеями только на религиозных диспутах с христианами, это уже убедило бы их в необходимости познакомиться с греческой мыслью. Вскоре различные мусульманские теологи стали использовать эти идеи в ходе своих рассуждений. Так поступал, например, Дирар ибн Амр, живший во второй половине VIII в.» [Монтгомери, 1972. С. 62].

Исламское влияние

Перенимая христианскую философию ислам, пока более ассоциировавшийся с арабским миром, воспринял ее во всей глубине. Но восприняв, ислам не превратился в статичного носителя, а повел ее по пути кропотливого развития. И тогда, христианская цивилизация, переживавшая в средневековье не лучшие времена, используя теперь мусульманскую мысль, нашла в себе силы к дальнейшему развитию.

«Арабы были не просто передатчиками, но подлинными носителями греческой мысли. Они не только сохранили живыми науки, которые постигли, но и расширили их диапазон. Когда около 1100 г. европейцы стали серьезно интересоваться наукой и философией своих врагов сарацинов, эти науки были в расцвете. Европейцам пришлось учиться у арабов всему, что было возможно, прежде чем они смогли двинуться вперед» [там же. С. 65].

Огромной заслугой ислама не только перед христианством, но вообще перед всей человеческой цивилизацией было сохранение античного

философского наследия, на котором было основано и христианское богословие.

«Учение Аристотеля о логике, по крайней мере частично, было давно известно в Европе по трудам Боэция. В XII в. появился перевод части «Органона», выполненный непосредственно с греческого, за ним — другие, сделанные с арабского. Однако значительно более полное понимание аристотелианства пришло с переводом трудов Аверроэса (Ибн-Рушда — прот. С. Ст.), особенно его комментариев к метафизическим сочинениям Аристотеля» [там же. С. 94–95].

Иногда в процессе интерпретации философского наследия исламскими мыслителями их субъективное, не всегда правильное мнение оказывало гигантское влияние на представление европейских христианских философов, причем в течение долгих хронологических периодов:

«...не вполне отчетливо (арабами — прот. С. Ст.) сознавалось различие между учением Платона (с его дальнейшим развитием в неоплатонизме) и Аристотеля; так Аристотелю была приписана «теология», в которой в действительности было воспроизведено учение Плотина (III в. н.э.). От арабов (переводы делались евреями) это фантастическое представление об Аристотеле перешло к средневековым европейцам» [Бартольд, 1966. С. 166].

На этой основе возникали даже своеобразные исторические философско-богословские коллизии: «учение Ибн Рушда (Аверроэс — испанский философ-мусульманин, восстанавливающий учение Аристотеля в чистом виде — прот. С. Ст.) нашло больше последователей в Католической Европе, чем среди мусульман; на почве этого учения возникла ересь, с которой вел упорную борьбу Фома Аквинский» [Монтгомери, 2008. С. 171–172].

Естественно, что влияние исламских мыслителей, их переосмысление античного и христианского философского наследия, повлияло не только на отдельных авторов, но и на развитие всей европейской философии.

«Арабская мысль предоставила европейцам новый материал, открыла для них вместе со своим кругозором целый новый мир метафизики. Переводы с арабского были известны всем течениям европейской мысли — не только аверроистам и их противникам, группе последователей Фомы Аквинского, но и таким сторонникам консервативного

платонизма, как Бонавентура, или платоникам-рационалистам типа Роберта Гроссетесте и Роджера Бэкона. Все последующее развитие европейской философии в глубоком долгу у арабских авторов; и Фома Аквинский столь же обязан аристотелианству Аверроэса, как и Сигер Брабантский» [Монтгомери, 1972. С. 95].

Догматы и основы вероучения

Христианское влияние

«В исламе с первых столетий его существования возникают те же споры о боге и его отношении к человеку, как в христианстве; помимо прямого влияния христианской догматики на мусульманскую, это объясняется одинаковыми условиями, в которых находились обе религии» [Бартольд, 1966. С. 121].

Обращаясь к теме заимствования теологических принципов (догматов) ислама от христианства, следует отметить, что и практика пятикратной молитвы-намаза, и принципы благотворительности, которые в исламе обретают не канонический, а догматический авторитет, и личные отношения человека с Богом имеют в христианстве и исламе поразительно близкие сходства.

«Практические обязанности человека ограничиваются молитвой и уплатой суммы в пользу бедных, и даже эти обязанности предписываются в самых общих словах: нигде в Коране не говорится, сколько раз в день должен молиться человек и какую часть своего имущества должен отдать бедным; то и другое было установлено исламом уже после Мухаммеда; Коран только предостерегает от расточительности, даже при подаче милостыни. Евангелие требует от человека, чтобы он забыл все кроме бога и ближнего; Коран ограничивается требованием не забывать ни бога, ни ближнего. Несмотря на несложность этой проповеди, мы находим в ней отдаленный, хотя, вероятно, бессознательный, отголосок христианства, особенно в учении о близости Страшного суда. В древнейших сурах не упоминается ни Иисус, ни ветхозаветные пророки; после Мухаммед узнал о Иисусе и «ставил в пример» своему народу (Коран, XLIII, 57). В Коране есть намек, что в это время в Мекке жил иноземец, неправильно говоривший по-арабски, которого язычники считали руководителем Мухаммеда (Коран, XVI, 105)» [там же. С. 416].

Как речь идет о догматических отклонениях от принятого большинством исповедания веры, то сразу нужно оговаривать, что эти отклонения носили локальный характер, как в географическом, так и в социологическом смысле, то есть ересь встречается в четко очерченных границах, либо на определенной территории, либо в закрытых сообществах людей.

Ислам, изначально исповедующий принцип предопределения жизненных путей человека и вечность Корана, не всегда встречал в этом отношении понимание среди своих последователей. По мнению автора, не без влияния восточного христианства уже ранний ислам входит в период теологического брожения. Так, В.В. Бартольд пишет, что мутазилитам (букв. отделившимся) или кидаритам принадлежит учение о свободе воли человека и учение о «сотворенности слова божьего», о сотворенности Корана [там же. С. 122]. Учитывая, что принцип свободы воли и невмешательство Бога в нравственный выбор человека, а соответственно и в направление его жизненных ориентиров является ключевым в христианской антропологии [Давыденков, 2006], влияние христианства на догматические взгляды мутазилитов прослеживается со всей очевидностью.

Более того, сформировавшаяся кидаритская теология под влиянием политических раздоров внутри ислама была принята значительной частью мусульманского мира — шиитами, вследствие неприятия власти омейядского правительства [Бартольд, 1966. С. 123].

В XVIII веке на территории Аравийского полуострова возникает новая «версия» ислама — ваххабизм, изобретателями которого многие исследователи считают британские спецслужбы. Соблюдая собственные геополитические интересы, англичане, по всей видимости, свои религиозные представления попытались не без успеха привить в мусульманстве, что определило современное соотношение сил различных масхабов в исламском мире.

«Сношения между Европой и мусульманским миром никогда не прерывались и могли и прежде оказывать влияние даже на религиозную жизнь мусульман. Едва ли случайно дервишизм сохранил свою жизнеспособность именно в близкой к Испании Северной Африке. Столь же возможно, хотя и не доказано, что на движение против дервишизма, культа пророка и святых имел некоторое влияние английский протестантизм, для которого католичество в то время было идолопоклонством ... В 1711 г. в Каире выступил проповедник, доказывавший, что обители дервишей должны быть уничтожены, гробницы святых

разрушены, что целующий гробницу должен быть признан неверным. Движение было скоро подавлено, но самый факт показывает, что выступление Мухаммеда ибн Абд ал-Ваххаба (1703–1791), уроженца Неджеда, основателя секты ваххабитов, произошло не только под влиянием прочитанных им сочинений средневекового ученого Ибн Теймии (1236–1328), но и под влиянием более недавних событий (влияния англичан и протестантской идеологии — прот. С. Ст.). Для ваххабитов, как для европейских протестантов, принцип следования букве священного писания стоял выше принципа согласия с общиной верующих» [там же. С. 131–132].

Не обошел вниманием ислам и другие доктринальные установки христианства, которые касались мировоззренческих вопросов о добре и зле, смысле бытия и обязательном воздаянии за прошедшую жизнь: «наряду с общей, еврейству и христианству, идеей единобожия, с осуждением культа идолов, в Коране нашли себе также яркое выражение христианские идеи о ничтожестве земной жизни по сравнению с загробной, о конце мира и воскресении, о нелицеприятном суде Божиим и вытекающем отсюда братстве людей» [там же. С. 218].

Проблема посмертного суда в исламе, связанная с именами ангелов Мункара и Накира и весами (мизан) имеет поразительное сходство с христианским учением о частном суде или посмертных мытарствах, где также фигурируют светлые и падшие ангелы. В западнохристианской теологии также присутствуют весы, на которых взвешиваются злые и добрые дела человека, а по перевесу чаш, определяется его посмертная участь.

Исламское влияние

Несмотря на молодость ислама, эта религия также оказала существенное влияние на часть христианского мира, в том числе в виде либо прямого, либо опосредованного влияния. Это влияние, так же, как и в исламе, в некоторых случаях стимулировало раскол в вероучительном единстве христианства.

В VIII в., когда Византия, бывшая некогда государством-гегмоном в христианском мире, вследствие мусульманских завоеваний потеряла значительную часть своих территорий, в том числе средоточие христианских святынь — Палестину и хлебную житницу — Египет. На тот момент положение завоевателей было крайне неустойчивым, и византийские императоры не теряли надежды на возвращение утраченного. Главным препятствием в этом было догматическое разобщение между Ближним

Востоком с Северной Африкой, исповедующих монофизитство⁷, и Малой Азией с Европой, исповедующих православие. Монофизитствующее население завоеванных земель, как оказалось, очень легко стало переходить в ислам. Византийские императоры, столкнувшись с давлением «северных варваров» попытались сделать, по мнению автора, грандиозный шаг — ни много ни мало, а составить унию между православием и исламом, либо крестить мусульман [Лебедев, 1897. С. 140], чтобы уже в естественном союзе удерживать власть на объединенных территориях. Для этого был предпринят особый шаг, устраняющий «наглядную» рознь между мусульманами и христианами — император Львом Исавром особым указом были поставлены вне закона иконы Бога, святых и святыи моцци, вводящие в смущение мусульман, считающих иконопочитание разновидностью идолопоклонства⁸.

В последующее время Церковь и государство долго сотрясала т.н. иконоборческая ересь, которая закончилась победой сторонников почитания икон и формулированием христианских догматов, исключающих восприятие святых образов в качестве идолов: «на Западе раздор из-за икон повел к результатам еще более важным, особенно для будущего времени. Он произвел полный разрыв религиозной связи, соединявшей латинские народы с Востоком, совершенную эманципацию итальянских провинций, светскую власть пап, вмешательство франкских королей в дело Италии и, наконец, появление новой Западной империи при Карломане» [Иконоборство и римские папы, 1865. С. 450].

В XV–XVI вв. Западную Церковь потряс грандиозный раскол, породивший в христианском мире протестантизм. Одной из ключевых доктрин протестантизма было учение о том, что для спасения души и полноценной христианской жизни вполне достаточно только Священного Писания — Библии. Согласно этой точке зрения абсолютно отрицалось т.н. Священное Предание, аналогом которого в исламе является Сунна. Предание отвергалось во всех видах: историческое, традиции, обряды, каноны, священнодействия, влияние древних авторитетов (святых отцов), в значительной мере были отвергнуты догматы Церкви. История говорит о том, что эти процессы были порождены многочисленными злоупотреблениями римских пап [Лозинский, 1961]. Но, по мнению автора,

7 По мнению некоторых исследователей, стремительное дистанцирование Ближнего Востока и Африки от господствующей религиозной линии было реакцией на насильственное насаждение эллинской (греческой) культуры со времен Александра Македонского на этих территориях. В этом же ключе рассматривается последующая легкая победа ислама [Ерасов, 1998].

8 Следует добавить, что император Лев Исавр также пытался своими иконоборческими указами угодить и склонить ко крещению иудеев, имеющих сильное влияние, а также еретиков-монтанистов.

здесь не обошлось, по меньшей мере, без воздействия примера шиитов, отвергающих Сунну, которые в различные периоды истории занимали либо главенствующее положение в исламском мире (династия Фатимидов), либо имели большое влияние на политическую и духовную жизнь в исламе (секта ассасинов). Учитывая многочисленные контакты европейцев и культурное доминирование ислама в средние века, идея *solus Scriptura* (только Писание) вполне могла перекочевать на христианскую почву, взрыхленную процессами эпохи Возрождения.

Подобное догматическое влияние ислама на христианство проявлялось не только сугубо в догматическом аспекте, но и, если можно так выразиться, в догматизированных взглядах на мир, в геополитическую ориентацию христианства, которое под влиянием ряда исторических обстоятельств отходила от краеугольного принципа «не от мира сего» (Ин. 18, 36):

«...церковное сознание, вследствие войн, которые вело как латинское, так и византийское средневековое христианство, стало сознанием геополитическим; и состав, и границы Церкви стали определяться составом и границами христианских наций. Христианский мир (как западный, так и восточный) — это оплот мира и просвещения. Нехристианский — мрака и насилия. То есть пункт за пунктом усваивалось мусульманское разграничение между областью ислама и областью неверных. А Церковь стала восприниматься как умма, т.е как община, имеющая количественные и социологические параметры...» [Георгий (Ходр), митрополит, 1999. С. 306].

Нельзя обойти вниманием и опосредованного, но крайне положительного влияния ислама на восточное христианство, заключающегося в том, что на территории, где господствовала мусульманская культура, появился выдающийся христианский мыслитель, подвижник благочестия, ученый, автор богослужебных текстов и блестящий полемист — преподобный Иоанн Дамаскин (VII–VIII в.), он же — Мансур ибн Серджун Ат-Таглиби. Будучи сыном влиятельного сановника и сам унаследовавший этот титул при дамасском халифе, Иоанн, будучи эллинизированным арабом, воспитывался как мусульманской, так и в христианской культуре, впитывая в себя не только их элементы, но и менталитет⁹. Этот блестящий культурный сплав, по мнению автора, породил тот особый образ мышления, который позволил преподобному Иоанну определить

⁹ Как уже ближе к нашему времени сплав французского и русского мышления, определенного воспитанием, породил гений А.С. Пушкина.

не только лицо буквально всего богослужебного строя восточного (православного) христианства, но также собрать, систематизировать и дать научное направление православному догматическому богословию.

«Наиболее совершенным трудом, представляющим собой вершину систематизации святоотеческой богословской мысли, следует признать труд св. Иоанна Дамаскина «Источник знания», состоящий из трех частей. С точки зрения догматического богословия особое значение имеет третья часть этого труда, которая известна под названием «Точное изложение Православной веры». Эта книга не утратила своей актуальности до сего дня, на христианском Востоке она являлась учебником богословия в течение многих веков, вплоть до нового времени, когда западная схоластика стала проникать на православный Восток» [Давыденков, 2006. С. 15].

Эпос и мифология

Современное старшее поколение помнит о том, что в период бытности СССР не без влияния унифицирующей государственной идеологии создавались т.н. «народные сказки», содержание которых усваивалось большим и малым этносам огромной страны, но вместе с тем сюжеты большинства сказок разных народов буквально повторяли друг друга; отличие заключалось только в именах персонажей. В данном случае «фольклористы-сказочники» пошли по пути синтеза фрагментов культурного наследия разных народов. Но вместе с тем, подобные процессы, не обязательно сознательным образом, имели место и во взаимодействии христианской и мусульманской культур.

Христианское влияние

Неизбежные трансформация и искажение информации при устной передаче, тем более при многократной передаче, из одной религиозной культуры в другую влечет за собой феномен религиозной мифологии, когда в итоговом рассказе причудливым образом переплетаются имена, сюжеты, место, время и обстоятельства. Иногда, как и в советских сказках на основе одного прототипа формировался похожий персонаж мифов в другой культуре, или же различные исторические лица отождествлялись.

«Любопытно, что уже шах Аббас обратил внимание на сходство христианских легенд с мусульманскими; Пьетро делла Валле в 1618 г.

в личной беседе с шахом должен был опровергать его мнение, что Али, св. Георгий и испанский Сан-Яго — одно и то же лицо» [Бартольд, 1966. С. 23].

Суфизм, о котором ранее говорилось в работе, помимо организационных форм заимствовал из христианства и сюжеты собственной мифологии: «несмотря на легенды о подвижничестве Мухаммеда и Али, суфизм более тесно связан с легендами о другом пророке — Хизре. ... Хизр не назван и в Коране, но к нему относят рассказ Корана (XVIII, 64) о слуге божьем, с которым встретился Моисей. ... С Ильей (по-арабски Ильяс) Хизр иногда сливается в одно лицо (отсюда «Хадер-ильяс» в «Ашик-Керибе» Лермонтова)...» [там же. С. 115–116].

Вражда между носителями христианства и ислама, их «идеологическая конкуренция» служила поводом не только к взаимной агрессии, но и стимулировала целый вид творчества — мифы о своих врагах. Опять же, специфичные законы смещения в мифологии порождают более чем причудливые представления о людях из иных культур.

«В религиозной борьбе (между мусульманами и христианами в XIII в. — прот. С. Ст.) обе стороны проявляли одинаковую ненависть к своим противникам и одинаковое презрение к их вере. На рассказах об этой борьбе отражались книжные воспоминания о древних врагах христианства и ислама; в христианских повестях мусульмане призывают своих «богов» — Мухаммеда и Апполона, в мусульманских христиане поклоняются древнеарабским божествам — Лат и Манат. Замечательно, что эти представления отразились даже на рассказах о новейших русских завоеваниях в Средней Азии. Автор киргизской повести, сочиненной в 80-х годах XIX в., рассказывает, что генерал Черняев после взятия Ташкента «из дерева вытесал Лата», именем этого божества поклялся, что будет справедливо управлять городом, и прибавил: «Если от своего слова отступлюсь, пусть Лат меня накажет»» [там же. С. 423].

Не избежали заимствования из христианского предания и эсхатологические представления мусульман. В завершающей Библию книге Откровения Иоанна Богослова (Апокалипсис) рассказывается о последних временах, когда зло будет абсолютно господствовать в мире, а затем это зло будет побеждено в результате второго пришествия Христа-Мессии. Христианские мотивы, касающиеся воскресения, вознесения и невидимого пребывания Христа в этом мире отразились на легендах об исторических персонажах ислама.

«С именем Мухаммеда (сына Али) связана древнейшая в мусульманском мире легенда о махди-мессии, которому суждено «наполнить мир справедливостью так, как он теперь наполнен тиранством». Существовало поверье, что Мухаммед не умер, но продолжает жить на горе Радва, к западу от Медины, близ моря, откуда явится, когда наступит определенный богом срок» [там же. С. 109].

Исламское влияние

Исламская религиозная мысль также сыграла определенную роль в формировании христианской мифологии. Согласно работам В.В. Бартольда, например, «идеализация эпохи праведных халифов и в особенности Омара отразилось и на христианских преданиях» [там же. С. 221]. По мнению автора, под влиянием ислама могли формироваться легенды об идеальных христианских государствах, например, о царстве Иоанна Пресвитера, поскольку Священное Писание христиан никогда не говорит даже о возможности идеальной или близкой к ней формы правления (2 Петра 3, 13).

Культовые особенности, религиозная жизнь

В период возникновения консервация ислама в виде неустойчивого в границах государства полукочевых завоевателей по законам социологии неминуемо привело бы к его деградации и исчезновению. Во избежание этого религиозно-государственные исламские институты в процессе собственного развития должны были генерировать новые организационные и идеологические формы как в общественном, так непосредственно и в религиозном устройстве, позволявшие удовлетворять духовным запросам молодой религии.

Христианское влияние

Арабская экспансия, которая держалась только на одной идее единого Бога и заповеди Мухаммеда о насаждении единобожия нуждалась в более развитых культовых формах почитания Всевышнего. Особенность человеческой психики, когда абстрактные идеи нуждаются в материальном, осязательном подтверждении, не позволяла мусульманам надолго задержаться в состоянии своеобразного военного «миссионерского экстаза». На завоеванных землях налаживалась мирная жизнь и неопитам требовалось более приземленные понятия о Боге и видимые следы Его присутствия и воздействия на окружающий мир.

По этим причинам ислам начал копирование культовых форм христианства, часто объявляя христианские святыни и своими.

«После завоевания Палестины мусульмане усвоили от христиан культ Иерусалима, отнесли к нему слова Корана и назвали «отдаленнейшей мечетью» мечеть, построенную халифами...» [там же. С. 538].

Помимо общих заимствований в своей религиозной жизни мусульмане заимствовали и поведенческие особенности христиан в их религиозных ритуалах:

«омовения были и у христиан; бассейн для омовения был такой же непременной принадлежностью двора христианского храма, как впоследствии — двора мечети» [там же. С. 472].

Исповедание ислама, например, современной Средней Азией, немыслимо без почитания святых и почитания мест их погребений¹⁰, что произошло совершенно очевидно не без влияния христианства. Христианство еще в первые века своего существования было основано на почитании святых угодников Божиих и их мощей, не как мелких божков, а как ходатаев за людей перед единым Всевышним Богом. Почитание святых органично прижилось в исламе и даже считается особым вероучительным преимуществом.

«В завоеванных арабами странах, где до ислама были распространены христианство, манихейство, буддизм, бедность и подвижничество ставились еще выше и могилы прежних подвижников почитались наравне с могилами пророков и мучеников. Для благочестивых мусульман подвижничество и тесно связанный с ним культ святых были такими преимуществами, от которых ислам не мог отказаться в пользу неверных» [там же. С. 114].

Привычные для современности организационные формы различных исламских институтов: мечети (не как здания, а как сообщество духовенства и прихожан), медресе, в древности не без влияния христианства были гораздо более разнообразными. И только в процессе исторического отбора множество малоизвестных для нас начинаний исчезло. «В XIII в. мы в Египте встречаем такое редкое в мусульманском мире явление, как женская обитель; во главе обители находилась игуменья, наставлявшая сестер и учившая закону божьему» [там же. С. 119].

---

¹⁰ Данная традиция современными экстремистами от ислама считается недопустимым новшеством, которое подлежит искоренению. См.: [Бабаджанов, 2001].

Широко распространенный на исторически исламских территориях, и особенно в Средней Азии, суфизм, по мнению большинства исследователей, явился калькой с христианской системы монастырей. Вполне обоснованная человеческая тяга не только к исполнению чистой обрядности, но и к мистической духовности, нашла свое воплощение в этой форме эзотерического аскетизма.

«Вообще, несмотря на коренное различие между проповедью Христа и проповедью Мухаммеда, мусульманские мистики во многом напоминают средневековых христианских. ... Возникает вопрос, насколько это сходство указывает на культурное взаимодействие; было ли только случайным совпадением, что Абд ал-кадир гилянский был современником Бернарда Клервосского, т.е. что в одно и то же время, в XII в., и в христианском и в мусульманском мире была сделана успешная попытка оживить монашество посредством предъявления к нему более серьезных нравственных требований» [там же. С. 120].

«С XII до XV в. заметно также влияние христианства как религии на мусульманский мир. Сложное явление, известное под названием суфизма, или дервишизма, несомненно развивалось, по крайней мере отчасти, под христианским влиянием; хронологически его успехи совпали с развитием католического монашества во вторую половину средних веков... Сходство суфиев с христианами бросалось в глаза и современникам... В XVI в. мусульманский поэт (поэт Хорезми, написавший этот стих в Золотой Орде — прот. С. Ст.) мог советовать своим единоверцам «учиться [настоящему] мусульманству у христиан»» [там же. С. 424].

«Как и все прочие явления в истории ислама, дервишизм еще мало изучен. Исследователи давно уже пришли к выводу, что на успехи дервишизма наряду с буддизмом оказало влияние также христианское монашество. ... Между прочим, даже требование безбрачия, не встречающееся в уставах современных дервишеских орденов, не всегда было чуждо исламу: в XII в. в мусульманском мире был свой Афон на острове при впадении Шатт ал-Араба в Персидский залив — обитель, где жила «община суфиев и отшельников» и где не было ни одной женщины.

Не указано также, если не ошибаемся, несомненное и едва ли случайное хронологическое совпадение развития монашества в Европе во вторую половину средних веков, когда рядом с прежде единственным орденом бенедиктинцев возникает несколько новых, и успехов «шейхства и мюридства» в мусульманском мире начиная с XII в. Эпоха крестовых походов (и последующие века), когда в католическом мире к монашествующим орденам присоединяются ордена «духовных рыцарей», обязанных с мечом в руках сражаться против врагов веры, была и для мусульманской Передней Азии временами наибольшего политического успеха шейхов, создавших ряд самостоятельных, хотя большею частью недолговечных государств в Северной Персии» [там же. С. 53].

Быт, традиции и обычаи

Историческое взаимодействие двух мировых религий никак не могло обойтись без всемерного взаимопроникновения культур на бытовом уровне. Это проявлялось как в сфере профессиональной занятости, так и в преемственности традиций и привычек. Именно на уровне бытовой жизни происходит не только самое тесное межкультурное общение, но вырабатывается отношение между носителями различных религиозных воззрений, и наиболее эффективно закрепляются заимствованные элементы.

Влияние христианства

Арабская экспансия в те земли, где ранее существовали другие религии, в том числе и христианство приводило к тому, что мусульмане предпочитали соседство с христианами, а не с носителями иных религиозных взглядов. Часто мусульмане без особых проблем переделявали христианские храмы под мечети, и даже места проживания христиан предпочитали иным не менее комфортным местам: «мусульманские торговцы, несомненно, шли по стопам своих предшественников, христиан и евреев. В Мерве жизнь при исламе перешла из шахристана в западное предместье, на канал Маджан, где в домусульманский период жил христианский митрополит» [там же. С. 159]. Это вполне объяснимо генетической родственностью двух мировых религий и отсутствием на ранних этапах христиано-исламского взаимодействия «религиозной брезгливости», которая возникает в более поздние времена.

Помимо места жительства мусульмане, заимствуя лучшее, перенимали от христиан достаточно много традиций и обычаев, которые буду-

чи христианского происхождения ко времени пришествия ислама стали уже частью национальной культуры, что не смогла или не сочла нужным изменить наднациональная исламская культура.

«Ученый араб (Ибн-Баттута — прот. С. Ст.) отмечает странные для мусульман обычаи местного турецкого населения: так в Синопе Ибн Баттута видел погребение местного князя, причем, кроме духовенства, все шли за гробом с непокрытой головой. Несколько раз он останавливался в подворьях мусульманского духовно-рыцарского ордена, называвшегося ахи (от арабского ах 'брат') и считавшего своим патроном халифа Али, вообще пользовавшегося в мусульманском мире славой сказочного богатыря. Ахи, подобно тамплиерам и иоаннитам, давали обет безбрачия; как рыцари, они подымали свое оружие не столько против неверных, сколько против тиранов, где бы они не находились» [там же. С. 426].

В.В. Бартольд выводит институт янычарства из дервишского ордена бекташи, который возник из ахи. Интересно, что кодекс чести европейских христиан вполне безболезненно мог приживаться на почве ислама: «некоторые ориенталисты видят в европейском рыцарском идеале признаки влияния восточного, именно персидского рыцарства; но факты скорее говорят в пользу влияния европейского рыцарского идеала на мусульман. Арабский князь Усама ибн Мункиз (XII в.) в своих воспоминаниях говорит о себе, что он имеет право называть себя рыцарем, несмотря на свое арабское происхождение» [там же. С. 423–424].

В наше время, когда в глобальном масштабе доминирует культура пока христианского происхождения¹¹, образ жизни большинства людей на планете корректируется в сторону этой доминанты. Об этом может говорить и архитектура, и форма одежды, и духовные и интеллектуальные интересы, и способы ведения дел. По мнению автора, данная ситуация, несмотря на ускоряющиеся темпы глобализации, не носит необратимого характера. Уже сейчас заметны эклектичные включения в европейский стиль жизни черт мусульманского Востока. В том случае, если восточная культура будет сочтена более практичной и полезной, мы можем даже в этом поколении стать свидетелями обратных процессов. Тем более, что в этом отношении есть масса исторических прецедентов¹².

11 К сожалению, культура современного т.н. «западного мира» стремительно дехристианизируется, а избавляясь от исторических корней, теряет моральные принципы, которые однозначно сдерживают эту культуру и население не только от нравственной деградации, но и от вымирания.

12 В свое время, в XVII–XVIII вв., в Турции был воспринят отделочный стиль, подражавший французскому декоративному искусству, что в свою очередь вызвало моду на турецкий стиль в Париже [Кинросс Лорд, 1999. С. 406–407].

Влияние ислама

Культурное воздействие ислама на средневековую Европу еще не получило должной исторической оценки. Так, будучи более развитая по сравнению с христианским миром мусульманская цивилизация настолько сильно повлияла в бытовом отношении на христиан, что по сути определило культурное лицо современного христианского мира.

«В распространении культурных традиций на бытовую жизнь «высших слоев общества» в IX в. в Испании важную роль сыграло влияние таких восточных центров, как Медина и Багдад. А ведущая роль в распространении этого влияния принадлежала музыканту и певцу по имени Зирийабу. ... Он не только поднял уровень инструментального и вокального исполнения, но и стал законодателем вкусов подобно Петронию или Бо Брюммелю. Так, ему приписывают определение последовательности, в которой разнообразные кушанья должны подаваться на пирах, и похоже, что порядок подачи блюд, которому мы следуем в наиболее торжественных случаях, восходит к Зирийабу. Он также интересовался приготовлением различных кушаний и привез с Востока множество кулинарных рецептов. Он показал людям, что тонкая стеклянная посуда может выглядеть гораздо более изящно, чем золотые и серебряные кубки. Он уделял внимание прическе и прочим формам изысканной культуры. Именно он ввел обычай носить разную одежду в различные сезоны. Подобные идеи получили широкое распространение среди высших классов мавританской Испании» [Монтгомери, 2008. С. 47–48].

Не следует умалчивать и тот факт, что европейцы обязаны мусульманам и многим другим появлению некоторых эстетических сторон своей жизни и быта. Так, известный турецкий султан Ахмед III был до самозабвения полюбил тюльпаны, название которых по-турецки «ляле» было созвучно с арабским словом «Аллах». Посол австрийского императора Бусбек в XVI в. привез луковицы тюльпана в Европу. После этого, тюльпан, подвергшейся культивации, стал в XVII в. не только источником эстетического наслаждения, но и вторгся в европейские экономические отношения, когда луковицы редких видов стали называть «золотом Европы» [Кинросс Лорд, 1999. С. 408].

Яркий пример религиозно-культурного синкретизма являет собой Испания и юг Франции. Расположенные на юге Европы, эти географические территории в течение нескольких столетий были подвластны арабским завоевателям и даже составляли центр независимого халифата.

В достаточно толерантной среде, когда борьба шла главным образом на фронте культурного влияния, испанцы-христиане чрезвычайной интенсивностью «погружались» в исламскую культуру, не теряя при этом своей принадлежности к христианству. В Испании, «в период мусульманского господства христиане настолько полно восприняли культуру правящей нации, за исключением религии, что их называли «мозарабы», или «арабизированные»... В 854 г., епископ Алвар жалуется, что молодые люди из христианской общины настолько увлечены арабской поэзией, что ради изучения арабского пренебрегают латынью» [Монтгомери, 2008. С. 51–52]. Естественно, что уже после Реконкисты весь багаж заимствований от мусульман был транслирован жителями этих земель в христианскую Европу, значительно обогащая ее культурный уровень.

Примеры толерантности и взаимопомощи

В отличие от свойственной нашему времени часто встречающейся нетерпимости, взаимной боязни и взаимных обвинений в межрелигиозных отношениях, традиции толерантного отношения между христианством и исламом имеют массу исторических прецедентов, когда рядовые представители и власть предержащие двух великих культур не только мирно уживались между собой в состоянии «холодного мира», но и предельно уважительно и бережно относились друг к другу, воспринимая, порой, иноверные святыни, как свои собственные.

Влияние христианства

Как уже было отмечено выше, ранний ислам во многом был обязан своим существованием христианским государям Северной Африки. Пророк ислама Мухаммед многократно уважительно отзывался о христианстве, и многие ключевые христианские понятия, даже несмотря на непризнание исламом Христа Богом, все же нашли свое отражение в Коране.

«С пропагандой христианства не могла выдержать соперничество пропаганда еврейства. Христианские идеи были также основным элементом учения Мухаммеда; в спорных между христианством и еврейством вопросах Коран примыкает к христианству; Христос называется «словом бога и духом его»; о гонении, которому подвергались йеменские христиане во время торжества еврейства, говорится с явным осуждением; абиссинского негуса Мухаммед считал своим союзником и посла в его страну часть своих приверженцев, подвергавшихся гонению в Мекке...» [Бартольд, 1966. С. 218].

Толерантность некоторых почитаемых мусульманских властителей по отношению к христианству также была абсолютной.

«Приблизительно к тому же времени (царствования Валида I (705–715) — прот. С. Ст.) относится эпизод царствования Омара ибн Абд ал-Азиза (717–720), единственного из Омейядов, прославляемого за благочестие. По-видимому, халиф хотел вернуться к традициям первоначального ислама; он был противником джихада; еще более замечательно, что халиф, оставшийся и потом для мусульман идеалом благочестивого государя, умер и был похоронен в христианском монастыре» [там же. С. 109]. «Им же в Египте были освобождены от уплаты податей епископы и церкви» [там же. С. 420].

Обычно, у любого человека сомнения религиозного характера перед лицом смерти не позволяют сделать последние шаги в храмах чуждой религии. Таким образом, для благочестивого Омара II христианство не было абсолютно чуждой религией, о чем позволяет судить факты его прижизненных благодеяний христианам и погребение в христианской обители, рядом с христианским храмом.

Если подбирать географически более близкие к нам примеры, то можно указать на то, что и в России имперского периода русские князья и цари принимали на службу мусульман без ущемления их веры. За исключением отдельных личностей, типа Ивана Грозного, проводящих политику насильной христианизации, в целом христианские государи в России всегда придерживались принципов толерантности. «В XVI и XVII вв. татары часто поступали на русскую службу, оставаясь мусульманами; на русского царя даже была перенесена турецкая государственная идея; в нем видели «великого бека, белого хана»¹³ [там же. С. 429]. Подобными примерами толерантности и взаимопомощи изобилует и история христиано-исламских отношений в Средней Азии, о чем написано немало работ.

Влияние ислама

В период ранней исламской истории мы видим замечательные примеры толерантности в отношении христиан, когда прогрессивному развитию молодой религии нисколько не мешало соседство христиан, но, напротив, через христиан ислам обогащался новыми знаниями и опы-

13 Интересно, что автор, беседуя с историком, работавшим в одном из самаркандских музеев, также слышал версию о том, что население Трансоксианы — Средней Азии, благодаря терпимой политике российской имперской власти, восприняла власть царя как власть «Белого падишаха», властителя Турана, который противостоит «Черному царю», властителю Ирана, извечного туранского противника и антагониста, о чем говорится еще в эпосе «Шахнаме». То есть северный царь стал восприниматься «своим», ау-

том. И более того, под покровительством ислама христианская миссия получает новый мощный импульс:

«положение христиан под властью мусульман в первое время было лучше, чем впоследствии; еще не имея собственной культуры, завоеватели нуждались в образованных иноверцах, среди которых христианам принадлежало первое место. ... Для религиозной пропаганды иноверцы в гораздо большей степени, чем сами мусульмане, воспользовались расширением торговых связей вследствие образования мусульманской мировой державы. К мусульманской эпохе относятся главные успехи христиан и манихеев в Китае и Монголии, христиан и евреев на Кавказе и берегах Волги» [там же. С. 151].

В наше, мягко говоря, малотолерантное время, для некоторых экстремистов, радеющих за возвращение к «исламским истокам» будут, возможно, крайне удивительными факты того, что в области политического влияния ислама полным ходом проводилось возведение христианских храмов, а сами христиане жили в достаточном комфорте, не стесняемые в отправлении своих религиозных нужд.

«...Но вообще христиане сохраняли свои храмы; новые церкви и монастыри долгое время строились беспрепятственно; так называемый договор Османа, по которому христиане будто бы обязались не строить новых церквей и не исправлять старых, был придуман гораздо позже. На всем пространстве халифата, от мыса св. Викентия у юго-западной оконечности Португалии до Самарканда, упоминаются богатые христианские обители, за которыми сохранялось их недвижимое имущество» [там же. С. 151].

Значимым замечанием для восточных христиан, исповедующих православие, служит факт того, что именно православных мусульмане наделили правом владения общехристианскими святынями: «Мас'уди отмечает факт, что при мусульманском владычестве все четыре священные горы: Синай, Хорив, Масличная гора близ Иерусалима и Иорданская гора, т.е. Фавор оставались в руках мелькитов (православных христиан — прот. С. Ст.)». Еще более интересным является факт мирного сосуществования христианских и мусульманских мест молитвы под одной крышей.

«В Иерусалиме и Дамаске первые мечети были построены рядом с христианскими храмами, но без всякого нарушения прав последних; по-видимому, это соседство первоначально не было связано ни с какой враждой между представителями обеих религий, напротив, свидетельствовало о близости между ними. Только этим можно объяснить, что... христиане и мусульмане поделились своим храмом; часть по словам Балазури четвертая, знаменитого собора, считавшегося постройкой Константина и Елены, была отведена под мусульманское богослужение, и еще долгое время спустя, в X в., христиане и мусульмане молились в Эмесе или арабском Химсе под одной крышей» [там же. С. 652]¹⁴.

Помимо сугубо религиозной толерантности, исламский мир многократно проявлял и толерантность политическую. Более чем красноречивыми подтверждениями этому являются стремления восточных христиан уйти от «братского» католическо-протестанского покровительства западноевропейских держав под власть мусульманских властителей. Вполне очевидно, что, оказавшись на какое-то время под западным покровительством, люди, которые веками сохраняли свою религиозную идентичность в мусульманской среде, рисковали ее потерять под невыносимым давлением «братьев» [Кинросс Лорд, 1999. С. 402].

«Не всегда, однако, восточные христиане предпочитали европейцев своим мусульманским соплеменникам и согражданам. В эпоху крестовых походов, по замечанию одного из русских историков Церкви «духовенство и народ желали лучше возвращения ига магометанского, чем продолжения власти латинян». В XVII и XVIII вв. эчмиадзинские армяне не раз обращались к персидскому шаху с просьбой о защите против католической пропаганды. В новейшее время экономическое засилье европейцев иногда было для христиан столь же чувствительно, как для мусульман. В 1912 г. публицист-христианин в ответ на статью мусульманина о необходимости «мусульманского единения» доказывал в арабской печати, что объединиться против Европы должны все жители Востока, независимо от вероисповедания, что необходимо не «мусульманское», а «восточное» единение» [Бартольд, 1966. С. 155].

И очень часто в истории образовывались православно-мусульманские военные союзы, которые были направлены против удушающей западной экспансии.

«В XVIII в. греки и сербы довольно охотно возвращались из-под власти Австрии и Венеции под власть Турции; в 1878 г., перед вступлением австрийских войск, христиане и мусульмане собирались вместе дать отпор врагу и выражали свое единение полуславянской, полутурецкой фразой: «Мы смо бир» (бир по-турецки 'один'). Боснийские сербы, в 1875 г. своим восстанием положившие начало распада Турции, после нескольких лет австрийского управления просили султана восстановить турецкое господство. После перехода Добруджи к Румынии жившие там русские казаки, некогда ушедшие из России, ушли из-под власти румын не на свою прежнюю родину, но снова под власть турок, в Малую Азию. Русский исследователь, посетивший их в начале XX в., передает их отзыв о турецком господстве: «Старый то турчин больно хорош, под им и на Дунае хорошо было, пока румын не пришел» [там же. С. 431].

Турция, как уникальное этническое и государственное образование на протяжении всей своей истории демонстрировала, можно сказать, знаковые примеры религиозной терпимости. Приписываемое исламу «генетическое» стремление к агрессивному прозелитизму в среде христиан, якобы заложенному не только в его идеологических источниках, но и во всей предшествующей истории его существования, не находит значимых подтверждений в истории.

«В эпоху военных успехов Турции, с XIV до XVII в., турецкое правительство не делало никаких сколько-нибудь последовательных и сознательных попыток ни к отуречению населения, ни к распространению среди него ислама. Даже отуречение Малой Азии, где турки теперь составляют до 78% населения, произошло, по-видимому, само собой, без каких-либо правительственных мер, притом уже после образования империи» [там же. С. 427].

Еще более интересным является факт того, что турецкий султан-завоеватель Мехмет II стал фактически восстановителем православия в покоренной Византии, где до падения практически вся церковная иерархия и политическая верхушка вошли в унию с католиками, признав католическую догматику и власть римских пап.

«В январе 1454 года Геннадий (Схоларий — прот. С. Ст.) был введен в сан патриарха греческой церкви под покровительством султана, взявшего на себя функции византийских императоров и выполнив-

шего большую часть их традиционного церемониала. Султан лично преподнес Геннадию атрибуты, отличающие его сан – мантии, пасторские принадлежности и новый позолоченный нагрудный крест из серебра взамен исчезнувшего. Затем Мехмед благословил Геннадия словами: «Будь патриархом со счастливой судьбой и будь уверен в нашей дружбе, сохраняя все привилегии, которые имели все патриархи до тебя» [Кинросс Лорд, 1999. С. 126].

Любопытно, что Мехмет Завоеватель был сторонником еретического для ортодоксального ислама учения персидских дервишей, провозглашавших в числе других нестандартных взглядов духовное родство ислама и христианства [там же. С. 99].

И даже стремление некоторых фанатиков, облеченных властью, любыми путями обратить христиан в ислам часто не встречали поддержки в той же исламской среде и военной элите, преданной своей вере.

«План Селима I — насильственно обратить в ислам всех христиан — не был приведен в исполнение вследствие ссылки патриарха на договор, заключенный с завоевателем Константинополя, и вследствие протеста, как представителя религиозного авторитета (муфтия), так и янычар» [Бартольд, 1966. С. 428].

Заключение

Завершая работу, автор в первую очередь должен отметить, что это исследование вследствие ограниченности объема и специфики темы носит больше обзорный, чем фундаментальный характер. В настоящей работе автор приводит только значимые и достаточно известные примеры, которые находятся в доступных источниках. Можно сказать, что данной работой автор только поднимает проблему, ждущую дальнейших исследований, поскольку еще больше фактов скрыто временем и традициями от «взора людского» — и здесь, можно найти непечатый край для научного творчества.

В исследованиях по данной и по другим подобным темам, посвященным духовному и культурному взаимовлиянию, нет никакого смысла приводить какие-либо сравнения количественного характера. Кроме того, нет смысла искать превосходство во влиянии одной культуры на другую хотя бы по причине того, что производное одной из культур, сформированное под влиянием другой, в свою очередь переходит к этой другой, «повлиявшей», и подобное цикличное движение в виде

такого своеобразного исторического маятника не подлежит никакому подсчету.

Несмотря на то, что в настоящей работе проведена подборка определенных фактов, которые можно было бы подвергнуть арифметическому пересчету в плане того, кто оставил больший след во взаимном влиянии двух мировых религий, очевиден только один вывод — мы вряд ли когда-нибудь сможем «подсчитать» степень влияния как христианства на ислам, так и ислама на христианство. Это взаимовлияние практически невозможно выделить из гигантского исторического напластования культур, а также из огромного количества общих культурных ценностей, созданных веками совместного существования христианской и исламской цивилизаций.

Говоря о цикличности в культурных взлетах и падениях в исламской и христианской цивилизациях, следует отметить, что автор не стремится к подспудной проводке идеи о прошлом и современном тотальном превосходстве христианства над исламом, и наоборот. Важно сказать, что, и христианство, и ислам рассматриваемые в работе в качестве неких цивилизационных «монолитов» на самом деле никогда не были однородны в своих географических ареалах. То есть, в различные исторические периоды, как в христианском, так и в мусульманском массивах, были и более отсталые страны и более развитые. Еще больший интерес, например, представляет мнение В.В. Бартольда, который видел причины культурной отсталости России в средневековье недостаточными связями с мусульманским миром:

«ни в Византии, ни в России, несмотря на торговые сношения с некоторыми культурными мусульманскими странами, не было общения между культурами христианской и мусульманской, не было и таких посредников между ними, какими на Западе были евреи; этим в гораздо большей степени, чем монгольским нашествием, объясняется культурная отсталость России сравнительно с Западной Европой» [там же. С. 228].

Принцип цикличности, являющийся ключом к пониманию культурного влияния религиозных цивилизаций друг на друга, не означает также и абсолютного превосходства одной культуры над другой в периоды исторического подъема. Упадок в области науки и технологий мог сопровождаться, например, необычайно высоким уровнем богословия или господства нравственных принципов, как это мы видим сейчас в исламском мире, где порок, по крайней мере, не культивируется.

Этот же принцип должен служить некоей надеждой на то, что восприятие лучших черт от доминирующей цивилизации служит залогом не только собственного подъема, но и обязательной в будущем собственной цивилизаторской ролью по отношению к «отсталым» народам и странам, среди которых в эпоху глобализации очень скоро могут оказаться и «учителя». Это можно проиллюстрировать и другими высказываниями В.В. Бартольда:

«первенствующее положение культуры халифата в тогдашнем мире ясно определилось уже в начале IX в.; к этому времени относятся такие факты, как... приглашение ко двору византийского императора ученого, раньше прославившегося при дворе халифа; постройка в Константинополе дворца по образцу дворца халифа в Багдаде. Основу арабской науки и искусства составляли, конечно, достижения греческой культуры, усвоенные через посредство христиан и персов» [там же. С. 225].

«Культурное первенство ... перешло от мусульманских народов к христианским; все, что отличает современную жизнь от средневековья, было выработано в Европе. Распространение культуры теперь чаще шло в направлении с севера на юг и с запада на восток, чем наоборот, что имело больше всего значения для истории Восточной Европы и определило культурные задачи России. ... В средние века культура приносилась к берегам Волги из Бухары и Хивы; в XIX в. волжские татары, ознакомившиеся через посредство России с европейской культурой, становятся просветителями своих туркестанских единоверцев» [там же. С. 203].

Главным же итогом данного исследования по замыслу автора должно быть не только знакомство с малоизвестными и забытыми фактами, но самое главное — осмысление того, что христианство и ислам исторически гораздо более тесно связаны, имеют большее единство, чем представляется поверхностному взгляду. Автор имеет надежду, что из этого осмысления возникнет и понимание того, что нам, христианам и мусульман по сути дела нечего делить и нечем кичиться друг перед другом. А если мы это допускаем по своему невежеству, то, в конце концов, выяснится, что мы идем сами против себя и своей истории, которая осудит каждого кто идет против Истины.

Литература

- Бабаджанов Б. О деятельности «Хизб ат-Тахрир ал-Ислами» в Узбекистане / Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. Под ред. А. Малашенко и М. Брилл Олкотт. Издание центра Карнеги. М., 2001.
- Бартольд В.В. Сочинения. Т. 6. М., 1966.
- Баутин А.А. Средневековая политическая мысль Арабского Востока [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=376> (дата обращения: 01.05.2022).
- Георгий (Ходр), митрополит. Христианство в плюралистическом мире // Православная миссия сегодня. Сборник текстов по курсу «Миссиология». Составитель прот. Владимир Федоров. СПб., 1999.
- Гилкрист Дж. Аравия в доисламский период [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://azbyka.ru/muxammad-prorok-islama> (дата обращения: 01.05.2022).
- Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1–2.
- Давыденков О., иерей. Догматическое богословие. М., 2006.
- Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов. М., 1998.
- Иконоборство и римские папы // Христианское Чтение. 1865.
- Керимов Г.М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб., 2009.
- Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999.
- Лебедев А.П. Вселенские соборы VI, VII и VIII веков. М., 1897.
- Лозинский С. История папства. М., 1961.
- Монтгомери У.У. Влияние ислама на средневековую Европу. М.– СПб., 2008.
- Монтгомери У.У. Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1972.
- Плотинский Ю.М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. М., 1992.
- Ру Ж.-П. Тамерлан. М., 2007.
- Рысжанов С. Полумесяц — исламский символ? // Наш мир. Казахстан. 09.12.2008.
- Смирнов В. О русском политическом идеале / Литературно-философский журнал «Топос» (18.03.2010) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/7097> (дата обращения: 01.05.2022).
- Успенский Б.А. Крест и круг: Из истории христианской символики. М., 2006.

References

- Babajanov B. On the activities of «Hizb at-Tahrir al-Islami» in Uzbekistan. Islam in the post-Soviet space: a look from the inside. Ed. A. Malashenko and M. Bril Olcott. Carnegie Center publication. Moscow, 2001. (In Russian)
- Bartold V.V. Works. Works. T. 6. Moscow, 1966. (In Russian)
- Bautin A.A. Medieval political thought of the Arab East. URL: <https://www.worldislamlaw.ru/?p=376> (date of access: 05/01/2022). (In Russian)
- Davydenkov O., priest. Dogmatic theology. Moscow, 2006. (In Russian)
- Erasov B.S. Comparative study of civilizations: a reader: textbook. allowance for university students. Moscow, 1998. (In Russian)
- George (Khodr), Metropolitan. Christianity in a Pluralistic World. Orthodox Mission Today. Collection of texts on the course «Missiology». Compiler Fr. Vladimir Fedorov. St. Petersburg, 1999. (In Russian)
- Gilchrist J. Arabia in the pre-Islamic period. URL: <https://azbyka.ru/muxammad-prorok-islama> (date of access: 05/01/2022). (In Russian)
- Gumilyov L.N. Ethnogenesis and ethnosphere. Nature, 1970, no. 1–2. (In Russian)
- Iconoclasm and Popes. Christian Reading, 1865. (In Russian)
- Kerimov G.M. Sharia: The Law of Muslim Life. Sharia answers to the problems of our time. St. Petersburg, 2009. (In Russian)
- Kinross Lord. The Rise and Fall of the Ottoman Empire. Moscow, 1999. (In Russian)
- Lebedev A.P. Ecumenical councils of the 6th, 7th and 8th centuries. Moscow, 1897. (In Russian)
- Lozinsky S. History of the papacy. Moscow, 1961. (In Russian)
- Montgomery W.W. The influence of Islam on medieval Europe. Moscow– St. Petersburg, 2008. (In Russian)
- Montgomery W.W. The influence of Islam on medieval Europe. Moscow, 1972. (In Russian)
- Plotinsky Yu.M. Mathematical modeling of the dynamics of social processes. Moscow, 1992. (In Russian)
- Roux J.-P. Tamerlane. Moscow, 2007. (In Russian)
- Ryzhanov S. Crescent — an Islamic symbol? Our world, Kazakhstan, 12/09/2008. (In Russian)
- Smirnov V. On the Russian political ideal / Literary and philosophical journal «Topos» (03/18/2010). URL: <http://www.topos.ru/article/7097> (accessed: 05/01/2022). (In Russian)
- Uspensky B.A. Cross and circle: From the history of Christian symbolism. Moscow, 2006. (In Russian)